

Научный электронный журнал «Сфера науки»

2026. Том 1. №2.

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ
«СФЕРА НАУКИ»

sfera—nauki.ru

Том 1. №2
Февраль 2026 г.

Краснодар, 2026

Содержание

Административное право	4
ПРОБЛЕМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОИСК ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ Соловьев Святослав Александрович	4
Гражданское право	16
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ РЕЕСТРА НЕДОБРОСОВЕСТНЫХ ПОСТАВЩИКОВ Аверина Ксения Евгеньевна	16
УГЛЕРОДНЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ. НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ИХ КЛАССИФИКАЦИИ И ПОТРЕБНОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Ушаровский Кирилл Сергеевич	27
Семейное право	33
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ МАТЕРИНСКОГО (СЕМЕЙНОГО) КАПИТАЛА ПРИ НАЛИЧИИ БРАЧНОГО ДОГОВОРА Аникушина Татьяна Константиновна	33
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО И ПСИХОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ ЗНАНИЙ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ О ДЕТЯХ Касько София Григорьевна	40
Уголовное право	48
РИСКИ КУРЬЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ДРОПШЕРСТВА Смирнова Елизавета Олеговна	48
ОТГРАНИЧЕНИЕ БАНДИТИЗМА ОТ РАЗБОЯ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ Цылева Юлия Владимировна	58
Уголовно-процессуальное право	68
ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ Богачева Милана Юрьевна Яковлева София Александровна	68

ОРГАНИЗАЦИЯ УДАЛЁННЫХ СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАНИЙ ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ И РИСКИ	76
Грищенко Максим Антонович Чайковская Арина Артёмовна	
ПРОБЛЕМЫ ДОПУСКА И ОЦЕНКИ ЦИФРОВЫХ (ЭЛЕКТРОННЫХ) ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	84
Грищенко Максим Антонович Чайковская Арина Артёмовна	

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

УДК 342.9

ПРОБЛЕМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОИСК ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Соловьев Святослав Александрович,

студент 2 курса

Юридического факультета им. А. А. Хмырова,

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,

г. Краснодар, Россия,

svat.solivev@gmail.com

Аннотация: данная научная статья посвящена изучению административного законодательства, в частности особенностей введения штрафов за поиск экстремистских материалов. В работе будет выявлена ключевая проблема данной нормы, а именно недостаточно четкое определение «экстремистский контент» и термина «поиск информации», трудности в исполнении законной деятельности юристов, а также в доказательстве злого умысла.

Ключевые слова: административное право, административная ответственность, административное правонарушение, административное законодательство, информационно-телекоммуникационные технологии, поиск информации, экстремизм, экстремистские материалы, экстремистская деятельность.

THE PROBLEM OF BRINGING TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR THE SEARCH FOR EXTREMIST MATERIALS

Solovyov Svyatoslav Alexandrovich,

2nd year student

A. A. Khmyrov Faculty of Law,
Kuban State University,
the city of Krasnodar, Russia,
svat.solivev@gmail.com

Abstract: This scientific article is devoted to the study of administrative legislation, particularly the features of imposing fines for searching for extremist materials. The article will identify the key problem of this norm, namely, the insufficiently clear definition of "extremist content" and the term "search for information," the difficulties in carrying out legal activities by lawyers, and the proof of malicious intent.

Keywords: administrative law, administrative responsibility, administrative offense, administrative legislation, information and telecommunication technologies, information search, extremism, extremist materials, extremist activity.

31.07.2025 года были введены изменения в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации добавляющие статью 13.53 [8], которая устанавливает штрафы за умышленный поиск экстремистских материалов в сети «Интернет» при помощи программно-аппаратных средств, включенных в федеральный перечень Министерства Юстиции Российской Федерации, в размере от 3 до 5 тысяч рублей. Но Минюст РФ не даёт чёткого и обоснованного определения понятию «умышленный поиск экстремистских материалов» и «механизм определения умысла». Так же нет разъяснений со стороны правоохранительных органов по поводу механизма выявления умышленного поиска и привлечения к ответственности.

Стоит начать с таких понятий, как экстремизм, экстремистский материал и экстремистская деятельность, определение которого даётся в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» [7].

Экстремизм — это течение в литературе, науке и искусстве призывающее при помощи общественных сил изменить существующий строй государства или нарушить его суверенитет, включая отчуждение территории, рассматриваемое как незаконное действие.

Экстремистский материал — это материал содержащий призыв к осуществлению или исполнению экстремистской деятельности или оправдывающий такие действия, часто включающий в себя элементы, на основе которых можно выявить прославление превосходства, связанного с принадлежностью к какой-либо национальной или расовой группе, также оправдывающий военные или иные преступления, направленные на уничтожение этнических, расовых, социальных и религиозных групп.

Экстремистская деятельность — это спектр действий, осуществляемых общественными, религиозными и иными организациями и структурами, средствами массовой информации, сетью «Интернет» и отдельными лицами, направленных на спланированную, организованную подготовку преступных действий, целью которых является насильственное изменение конституционных основ Российской Федерации, подрыв национальной безопасности, незаконный захват власти, создание вооружённых формирований на территории государства, осуществление террористической деятельности и разжигание межнациональной, религиозной, социальной розни, сопровождающиеся насилием и призывами к нему.

Минюст РФ при включении каких-либо сведений в список экстремистских материалов хоть и основывается на существующие определения, связанные с экстремизмом, но не обосновывает сразу причину внесения материала в этот список и не эффективно доводит до общества и средств массовой информации причины добавления и сам факт включения в список. Стоит рассказать про механизм внесения полученных данных в список экстремистских материалов.

Процедура внесения интернет-ресурсов в список экстремистских материалов включает несколько стадий [6]:

- 1) Материалы, которые предположительно будут классифицироваться как экстремистские, рассматриваются судами федерального уровня, которые в пределах своей компетенции определяют место обнаружения, распространения, личность, которая создала материал и местонахождение организации, которая ответственна за распространение таких материалов. Данный процесс может быть инициирован по представлению прокурора Российской Федерации, либо судами по месту их обнаружения в рамках административного, гражданского или уголовного судопроизводства, либо Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
- 2) После того, как решение суда о признании информационных материалов экстремистскими вступает в законную силу, суд должен направить копию этого постановления в Минюст РФ в течение трёх рабочих дней. Данная процедура необходима для включения определённых сведений в Федеральный список экстремистских материалов, для обеспечения официального признания и их последующего правоприменения.
- 3) Включение материалов в Федеральный список экстремистских материалов влечет за собой запрет на распространение, изготовление и хранение данных, находящихся в списке, в случае нарушения этого запрета, правонарушитель будет нести административную ответственность согласно статье 20.29 КоАП РФ [4].
- 4) Апелляция против судебных решений, которые связаны с признанием материалов, принадлежащих к списку экстремистских, будет осуществляться в соответствии нормами установленными процессуальным законодательством РФ.

Не менее важен вопрос о том, какой компетентный орган будет уполномочен выявлять факт использования экстремистского материала и как будет определяться умысел при поиске такой информации. Минюст РФ не дал однозначного ответа на этот вопрос. Вследствие чего, в обществе, понимание

этой статьи стали трактовать по-своему, к примеру, юрист практики по интеллектуальной собственности и информационным технологиям Адвокатского бюро «Качкин и Партнеры» Ольга Новикова заявила, что скорее всего обязанность по выявлению потенциальных правонарушителей будет лежать на сотрудников Федеральной Службы Безопасности, которые в свою очередь будут составлять административный протокол по выявленным правонарушениям [2]. Так же, в Государственной Думе попытались дать толкование этой нормы, из которой следует, что ответственность по исполнению законодательства будет лежать на операторах сотовой связи, которым придется выявлять, был ли это злоумышленник, научный работник, активист, который борется против такого рода материала или юрист. В ответ на данное заявление выступил вице-спикер Госдумы от партии «Новые люди» Владислав Даванков, сказав, что закон не затронет журналистов, ученых или иных людей обладающих властными полномочиями, но законодатели так и не смогли дать чёткого объяснения по поводу того, как операторы сотовой связи должны при помощи трафика отличать пользователей друг от друга, тем более когда некоторые сотрудники работают внештатно и это может создавать дополнительные риски для профессии [1]. Важно подчеркнуть отсутствие чёткого и выстроенного механизма привлечения к ответственности из-за чего исходит мнение, что скорее всего люди, находящиеся на улице не будут подвергнуты процедуре обыска со стороны уполномоченных на то лиц, а в ходе оперативно-розыскной деятельности, органы внутренних дел ФСБ будут запрашивать данные о конкретном лице у операторов сотовой связи, из вышесказанного можно вычленил еще один резонный вопрос, будут ли вследствие допроса учитываться показания человека по которым можно сделать вывод, о намеренном заходе на запрещённый сайт или он использовал запрещённый материал только в информационных целях.

В современном информационном пространстве наблюдается огромное разнообразие контента, который отличается форматом, содержанием, целями,

направленностью и назначением. Скорость его создания и распространения поражает благодаря быстрому совершенствованию различного рода цифровых технологий. В контексте глобализации и информатизации есть повсеместный доступ к интернету, в котором доступ к текстовым, аудио и видео материалам практически неограничен для большинства пользователей сети «Интернет» независимо от времени и места нахождения. Особенно, когда повсеместное внедрение искусственного интеллекта и машинного обучения позволяет автоматизировать процесс создания различного рода контента, повышая его актуальность. На фоне этого возникают проблемы правоприменительного характера, связанные с неоднозначностью умысла. Этому вопросу попытался дать разъяснения Член Адвокатской Палаты Ханты-Мансийского округа Роман Давыдов, который выделил ряд проблем:

- 1) Состав правонарушения по своей конструкции носит скорее усечённый, а не формальный характер. Это означает, что ответственность наступает уже после того, как лицо получило доступ и открыло экстремистский материал. Фактическое восприятие этого материала для квалификации преступления становится не актуальным, а это в свою очередь вызывает вопрос о существенности нарушения и возможности признания таких действий малозначительными в рамках административного законодательства.
- 2) Диспозиция нормы характеризуется альтернативностью, неопределённостью и бланкетностью, так как ответственность предусмотрена за действия, которые связаны с поиском и получением доступа к материалам, включённым в опубликованный Минюстом РФ федеральный список экстремистских материалов. Даже, если пользователь удостоверится, что запрещённый контент отсутствует в федеральном списке, его деяния могут быть квалифицированы, как умышленный поиск и незаконное получение доступа к экстремистской информации, если есть признаки совершенного преступления, установленные законодательством.

- 3) Принимая во внимание выше сказанное, стоит отметить, что признаки экстремизма закреплены законодательством, и потенциальный пользователь должен быть осведомлён о них. Это в свою очередь даст возможность оценить содержание поискового запроса или результатов поиска на предмет наличия потенциальной экстремисткой направленности.
- 4) Умышленность деяния, предусмотренного данной нормой, должна устанавливаться на основе анализа субъективной стороны правонарушения, которая будет включать объяснение лица, в отношении которого ведется производство по делу, а также объективные доказательства.
- 5) Наличие состава правонарушения, который включает в себя обязательный элемент вины в форме умысла и право не свидетельствовать против себя, с одной стороны, а с другой — технические возможности восстановления событий в сети «Интернет» и выбранный способ описания объективной стороны вызывают вопрос, а не будет ли в правоприменительной практике умысел устанавливаться лишь из объективных данных – в частности, факта и периода пребывания на ресурсе, повторного к нему обращения и т.д.? В связи с этим возникает необходимость в разработке и внедрении более тонких и дифференцированных подходов к оценке умысла в условиях цифровой среды и важно учитывать, что объективные данные о поведении пользователей могут лишь служить вспомогательным инструментом в процессе доказывания вины [5].

Стоит сказать, что введение новых охранительных норм в отраслевое федеральное законодательство направлено на повышение устойчивости и стабильности общественности, но не редко вызывает беспокойство среди граждан, а их неопределенность лишь усиливает социальную напряженность. В связи с этим, в рассматриваемую статью КоАП РФ необходимо внести

уточнения, чтобы избежать двусмысленности нормы и исключить неоднозначные ответы на обозначенные вопросы.

Возвращаясь к вопросу о механизме привлечения к ответственности стоит сказать, что для привлечения к ответственности правоохрнительным органам необходимо доказать наличие прямого умысла в действиях субъекта преступления, что предполагает осознание экстремистского характера материала и намерение на его получение. Предполагается принятие во внимание судом ряд ключевых факторов:

- 1) Профессиональную деятельность человека, социальный статус, а также наличие радикальных идеологических установок и участие в экстремистских организациях.
- 2) Цифровой след, представленный историей браузера и формулировками поисковых запросов.
- 3) Социальное воздействие, которое подразумевает наличие одобрительных репостов и комментариев под экстремистским материалом, что может свидетельствовать на поддержку и распространение.
- 4) Размещение спорного контента на интернет-площадках, что позволит оценить его доступность и влияние на аудиторию.
- 5) Использование определенного программного обеспечения для обхода блокировки, что может свидетельствовать о преднамеренных действиях по получению доступа к запрещенному контенту.

Представленную точку зрения выводит А. В. Ростокинский и С. В. Данелян, согласно которой в рамках существующего законодательства, невозможно выделить единый объект преступного посягательства. Это объясняется тем, что экстремистские деяния могут быть квалифицированы, как любое другое преступление, совершённое по мотивам ненависти, вражды, которые предусмотрены п. «е» ст. 63 УК РФ [10].

Стоит сказать про уголовное законодательство, так ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет [11]. Однако, анализ действующего УК РФ показывает, что в его структуре нет норм, которые предусматривают наказание за обнаружение и сам факт поиска экстремистского контента. В условиях существования в российском праве института административной преюдиции возникает вопрос о необходимости дальнейшего законодательного развития, направленного на внесение в уголовный кодекс ответственности за поиск экстремистского контента.

В условиях анализа современных тенденций регулирования интернет-контента стоит обратить внимание на опыт Великобритании, где был введён новый закон Online Safety Act. Ранее существовавший метод верификации предполагал нажатие на кнопку «мне есть 18» оказался недостаточно эффективным, в связи с этим, закон предусмотрел необходимость подтверждение данных с помощью биометрии или фото, вследствие введения данной нормы ожидается, что эти меры повлияют на снижение риска доступа несовершеннолетних к непредназначенному контенту [12].

Еще одной проблемой выступает соразмерность вводимых ограничений конституционным правам. Так, ст. 29 Конституции РФ гарантирует свободу мысли и слова, запрещает пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду [3]. На основе этого возникает коллизия норм права, введённая статья КоАП РФ начинает противоречить Конституции и возникает необходимость в обращении в Конституционный суд для разъяснения по поводу соотношения и применения норм права, но пока никаких разъяснений КС РФ не даёт. По упомянутому

вопросу выше, Верховный суд РФ попытался дать толкование, в котором упомянул, что при рассмотрении уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности судам следует обеспечивать, с одной стороны, охрану публичных интересов, а с другой – защиту и гарантии введённой Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина [9].

Подводя итог научного исследования хочется сказать, что борьба с экстремизмом требует чётких и активных законодательных мер, важно оперативно пресекать любые проявления экстремизма и ограничивать распространение радикальной идеологии в интернете. Однако, двусмысленность может привести к избирательному и неточному толкованию законов правоохранительными или судебными органами. Мы считаем, что пристальное внимание и регулирование в большей степени должно уделяться вопросам моментального блокирования и ограничения доступа к информации экстремистского толка, в целях обеспечения защиты прав и свобод человека, что предположительно позволит эффективно противостоять угрозам экстремизма в современном обществе.

Библиографический список использованных источников

1. Вице-спикер Госдумы раскритиковал новые штрафы за поиск запрещенных материалов [Электронный ресурс]. URL: <https://hi-tech.mail.ru/news/130722-vice-spiker-gosdumy-raskritikovalnovye-shtrafy-za-poisk-zapreshennyh-materialov/>
2. За поиск экстремистских материалов начнут штрафовать с осени [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advice/za-poisk-ekstremistskikh-materialov-nachnut-shtrafovat-s-oseni/>
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.). [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс»

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.09.2025 г.) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс»
5. Когда умысел неоднозначен. Нюансы ответственности за поиск заведомо экстремистского материала и доступ к нему требуют уточнения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/kogda-umysel-neodnoznachen/>
6. Кем принимается решение о признании материалов экстремистскими? [Электронный ресурс] // «Прокурор разъясняет» Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_62/activity/legal-education/explain?item=85586889
7. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс»
8. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 31.07.2025 г. N 281-ФЗ (вступ. в силу с 01.09.2025 г.) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 13.09.2025).
9. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [Электронный ресурс] : постановление Пленума ВС РФ от 28.06.2011 г. № 11 (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 3 ноября 2016 г. № 41, 20 сентября 2018 г. № 32 и от 28 октября 2021 г. № 32). URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8255/> (дата обращение 14.09.2025).
10. Ростокинский А. В., Данелян С. В. Проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности // Право: история и современность. 2022. Т. 6. № 2. С. 230–233.

11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025 г.) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс»
12. Закон о безопасности в Интернете. Пояснения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/online-safety-act-explainer/online-safety-act-explainer>

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347.44

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ РЕЕСТРА НЕДОБРОСОВЕСТНЫХ ПОСТАВЩИКОВ

Аверина Ксения Евгеньевна,

магистрант 2 курса

ФГБОУ ВО УдГУ,

г. Ижевск, Россия,

averina0402@gmail.com

Аннотация: статья посвящена анализу правовых основ и процедурных особенностей ведения реестра недобросовестных поставщиков, подчеркиваются последствия включения в реестр, значимость соблюдения установленных законодателем норм. Рассматривается вопрос существования в научной среде разных позиций относительно определения правовой природы реестра недобросовестных поставщиков. Обращается внимание на важность и необходимость всесторонней проверки обстоятельств, которые подтверждают вину поставщика, до момента внесения сведений о нем в РНП, а также подтверждена важность комплексного подхода к функционированию РНП для обеспечения защиты публичных интересов государства.

Ключевые слова: государственный контракт, гражданско-правовая ответственность, обязательства, отказ от исполнения договора, реестр недобросовестных поставщиков.

TO THE QUESTION OF THE LEGAL NATURE OF LIST OF UNSCRUPULOUS (UNFAIR) SUPPLIERS

Averina Kseniya Evgen'yevna,

2nd year Master's student,

FGBOU VO UdGU,

the city of Izhevsk, Russia,

averina0402@gmail.com

Abstract: the article analyzes the legal basis and procedural features of maintenance of registers of unscrupulous suppliers, underline consequences of entry in the register, the significance of compliance with statutory norms. The question of the existence is being considered of different positions in the scientific community about definition of list of unscrupulous (unfair) suppliers.

Keywords: government contract, civil liability, obligations, refusal to execute (perform) a contract, unscrupulous (unfair) suppliers. Attention is drawn to importance and necessity of comprehensive inspection of circumstances, which confirm the supplier's fault until information about it is entered in list of unscrupulous (unfair) suppliers, also confirm the necessity of comprehensive approach to functioning of list of unscrupulous (unfair) suppliers for protection of public interests.

Система государственной и муниципальной закупочной деятельности представляет собой обширный сегмент экономики, который направлен на обеспечение функционирования государства и удовлетворение интересов общества. Одной из ключевых проблем закупочной деятельности остается риск вовлечения недобросовестных контрагентов, действия которых приводят к срыву сроков, поставке некачественной продукции, неисполнению контрактных обязательств и, как следствие, к прямым финансовым потерям и подрыву доверия к институтам власти.

Для минимизации данных рисков и формирования среды ответственных участников закупочной деятельности был создан и внедрен специальный

превентивный инструмент – Реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) (далее – РНП). Правовую основу формирования и ведения данного института составляют Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [9] (далее – Закон № 44-ФЗ) и Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [10] (далее – Закон № 223-ФЗ). Целью указанных нормативно-правовых актов, безусловно, является установление и закрепление основных принципов проведения закупочных процедур. Именно в данных нормативно-правовых актах законодатель предусматривает необходимость ведения реестра недобросовестных поставщиков.

Стоит также обратиться к Постановлению Правительства РФ от 30.06.2021 № 1078 «О порядке ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» [7]. Данный документ содержит в себе требования к тому, как и в каком виде должно осуществляться ведение РНП. Кроме того, в указанном нормативно-правовом акте законодатель уделяет внимание этапам, из которых должна состоять процедура направления обращения о необходимости включения сведений об участнике закупки, допустившем правонарушение, форме и содержанию самого обращения, а также определяет порядок рассмотрения обращения уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, а также требования к форме и содержанию обращения. Все это указывает на то, что законодатель стремится создать условия максимальной прозрачности и добросовестности системы государственных и муниципальных закупок.

Внесение информации об участниках закупочной деятельности в РНП регламентируется нормами ст. 5 Закона № 223-ФЗ и ст. 104 Закона № 44-ФЗ. Основаниями для этого является факт уклонения участником закупки от заключения контракта или же неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, которые были предусмотрены контрактом. Также недобросовестность участника закупки может быть подтверждена, а включение информации о нем в РНП может быть инициировано и в случае наличия судебного решения о признании контракта расторгнутым по причине существенного нарушения одной из сторон условий договора. Еще одним основанием может являться односторонний отказ заказчика от исполнения договора, если такой отказ вызван применением к нему международных санкций.

При наступлении одного из перечисленных обстоятельств в отношении поставщика, заказчик в течение трех рабочих дней с момента возникновения такого основания обязан направить в Федеральную антимонопольную службу (далее – ФАС России) сведения о поставщике с целью последующего его включения в РНП. Непредоставление информации о поставщиках, с которыми были прекращены договорные отношения по причине значительных нарушений условий контракта, в уполномоченный контрольный орган для внесения в реестр недобросовестных поставщиков, влечет за собой возможность дальнейшего нежелательного участия недобросовестных организаций в закупочной деятельности и снижения эффективности функционирования системы обеспечения государственных и муниципальных нужд. К концу 2025 года ФАС России, изучив данные из Единой информационной системы (ЕИС) о контрактах, которые были расторгнуты в одностороннем порядке, предоставило информацию о выявлении 337 случаев ненаправления сведений о включении данных о поставщиках в РНП [5]. Это, безусловно, свидетельствует о нарушении требований ч. 16 ст. 95 Закона № 44-ФЗ, а также указывает на необходимость повышения ответственности участников закупочной деятельности и усиления

контроля со стороны надзорных органов в целях совершенствования института РНП.

Стоит также отметить, что вопрос правовой природы реестра недобросовестных поставщиков является в науке предметом дискуссий, несмотря на устоявшуюся практику применения данного института. Так, к примеру, к числу исследователей, которые рассматривают РНП в качестве меры публично-правовой ответственности, относится Д.А. Чваненко. Анализируя процедуру включения информации об участнике закупки в РНП, автор приходит к выводу о публично-правовом характере данного института и рассматривает его как некую форму административного наказания, не имеющую полного статуса такового, называя его «квазиадминистративным наказанием» [12, с. 25-26]. Еще одним сторонником данной позиции является Я.Е. Щербаков, утверждающий, что дальнейшее изучение института РНП следует проводить в рамках административного права [13, с. 136]. Ю.Б. Лавров и Е.А. Чекурда, изучив характерные признаки гражданско-правовой ответственности, также приходят к заключению, что процедура включения сведений об участнике закупки в РНП, безусловно, не может быть квалифицирована как гражданско-правовая ответственность [3, с. 273]. Авторы акцентируют внимание на том, что в отличие от частноправовой ответственности, ориентированной на восстановление нарушенных прав, публично-правовая ответственность обладает выраженной карательной направленностью.

Действительно, сам по себе факт внесения информации о недобросовестном участнике закупочной процедуры в РНП не является мерой материального воздействия, поскольку не направлен на восстановление нарушенного имущественного положения контрагента как в случае с уплатой неустойки или возмещением убытков. Основное последствие данного института заключается в обеспечении публичного порядка в экономической сфере путем ограничения возможностей дальнейшего участия в процедуре закупок для стороны, которая нарушила условия договора, а не прямое воздействие на ее финансовое

положение. Кроме того, включение информации в РНП производится не самим заказчиком, а уполномоченным государственным органом на определенный законодателем срок, который также не зависит от воли конкретного заказчика.

Другого мнения придерживается А.В. Демкина, указывая, что внесение сведений в РНП не следует рассматривать как меру юридической ответственности или иную правовую санкцию. Автор объясняет это тем, что данное действие не создает дополнительных обременений для участника закупки и, что важно, не лишает его неотъемлемого права на участие в торгах [2, с. 122]. Автор предлагает квалифицировать институт РНП как механизм самозащиты гражданских прав заказчика, хотя и отмечает двойственность правовой природы данной меры. Однако по смыслу нормы, закрепленной в ст. 14 Гражданского кодекса РФ [1], физическое или юридическое лицо имеет право самостоятельно, без привлечения государственных органов, предпринимать действия для защиты своих имущественных и неимущественных прав, при условии, что эти действия соразмерны нарушению. Реестр недобросовестных поставщиков, напротив, представляет собой механизм, действующий в интересах государства и общества в целом. Он инициируется заказчиком, но его функционирование и контроль осуществляются уполномоченным государственным органом – ФАС России. Таким образом, внесение сведений в РНП представляет собой акт применения публичной власти.

По мнению В.А. Тищенко, институт реестра недобросовестных поставщиков является комплексным и носит многоаспектный характер [8, с. 9]. Автор отмечает, что РНП представляет собой меру публично-правовой ответственности, которая, несмотря на свою природу, может проявлять частноправовые характеристики. Кроме того, автор акцентирует внимание на том, что данный институт играет важную роль в поддержании устойчивости системы отношений в сфере государственной и муниципальной закупочной деятельности, выступая в качестве ее охранительного, защитного механизма.

Кроме того, стоит также обратить внимание на наличие факта необходимости установления вины в действиях поставщика для внесения информации о нем в РНП. В этом ключе необходимо обратиться к позиции Д.А. Чваненко, который рассуждает над тем, что при рассмотрении института РНП в контексте его частноправовой природы бремя доказывания невиновности ложится на сторону, допустившую нарушение условий договора, подмечая также, что для субъектов предпринимательской деятельности действует принцип «безвиновной ответственности», за исключением случаев, согласно нормам статьи 401 Гражданского кодекса РФ, когда нарушение произошло в результате наступления обстоятельств непреодолимой силы [11]. Автор подчеркивает, что реестр недобросовестных поставщиков все же носит публично-правовой характер, следовательно, к лицу, привлекаемому к ответственности, должна применяться презумпция невиновности. Именно ФАС России, по мнению автора, обязана доказать вину участника закупочной деятельности в форме умысла.

С данной позицией мы можем согласиться и проследить аналогичные положения в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда №305-ЭС23-10096 от 16.10.2023 [4]. Согласно разъяснениям Верховного Суда, включение информации об участнике закупки в РНП является специальной мерой юридической ответственности. Это означает, что в рамках Закона № 44-ФЗ уполномоченный орган не вправе просто принимать информацию от заказчика для внесения сведений о поставщике в РНП, не проведя предварительную оценку его действий в каждом конкретном случае. Следовательно, при возникновении необходимости установления факта уклонения участника закупки от исполнения обязательств по заключению договора именно ФАС России обязан провести полноценный анализ обстоятельств дела, включая степень вины этого лица и причиненного заказчику ущерба, а не ограничиваться лишь формальным установлением факта того, что нормы законодательства были нарушены.

Интересно, что в специальных нормативных актах, регламентирующих закупочную деятельность Банка России, также содержатся требования, в соответствии с которыми при принятии решения специальной комиссией по закупкам о внесении информации о поставщике в РНП Банка России необходимо обязательное «получение от контрагента позиции об обстоятельствах неисполнения им договорных обязательств по договору» [6].

Данные положения подтверждают необходимость проведения всестороннего анализа, точного определения всех элементов состава правонарушения, а также опровержения презумпции невиновности поставщика для принятия обоснованного решения о включении информации о нем в РНП во всех сферах государственной закупочной деятельности, а также указывает на публично-правовой характер данного института.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что институт реестра недобросовестных поставщиков, безусловно, представляет собой важный превентивный и охранительный инструмент в сфере государственной и муниципальной закупочной деятельности, способствующий минимизации рисков вовлечения недобросовестных контрагентов путем ограничения их участия в закупках и обеспечению защиты финансовых интересов государства в лице заказчиков.

Анализ научных позиций и судебной практики касательно правовой природы данного института позволяет утверждать, что, несмотря на наличие разных точек зрения, включение информации о лице в РНП рассматривается преимущественно как мера публично-правовой ответственности. Данное умозаключение подтверждается тем, что основная цель внесения сведений в РНП заключается не в компенсации причиненного ущерба государственному или муниципальному заказчику, а именно в защите публичных интересов посредством недопущения участия в закупках недобросовестных и неблагонадежных поставщиков, а также путем формирования прозрачной и доверительной среды в сфере закупок.

Позиция Верховного Суда прямо указывает на необходимость проведения ФАС России объективной всесторонней оценки обстоятельств, которые привели к неисполнению или ненадлежащему исполнению условий договора или уклонению от заключения контракта. Контрольному органу необходимо установить факт умышленного недобросовестного поведения участника закупочной деятельности и опровергнуть презумпцию невиновности поставщика, что в очередной раз говорит о публично-правовой направленности института РНП. Кроме того, стоит отметить, что такой подход позволит минимизировать случаи необоснованного включения в РНП и избежать негативных последствий для всех сторон контрактных отношений.

Библиографический список использованных источников

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025).
2. Демкина А.В. Включение поставщика в реестр недобросовестных поставщиков как способ защиты // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2008. - № 12. – С. 120-123.
3. Лавров Ю.Б., Чекурда Е.А. Проблемы определения правовой природы реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в законодательстве о контрактной системе закупок // Право и государство: теория и практика. 2023. - № 9 (225). – С. 272-274.
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2023 N 305-ЭС23-10096 по делу N А40-47485/2022 [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 07.01.2026).
5. Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы. – 2026. – URL: <https://fas.gov.ru/news/34387> (дата обращения: 07.01.2026). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

6. Положение Банка России от 01.03.2018 № 632-П (ред. от 22.10.2025) «О закупках Центрального банка Российской Федерации (Банка России) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 07.01.2026).
7. Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 N 1078 (ред. от 31.10.2022) "О порядке ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации" (вместе с "Правилами ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей)") [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 07.01.2026).
8. Тищенко В.А. Правовая природа реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) // Baikal Research Journal. – 2018. – Т.9. – № 4. – С. 1-12.
9. Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 07.01.2026).
10. Федеральный закон от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 07.01.2026).
11. Чваненко Д.А. Презумпция вины или невиновности? – Текст: электронный // Адвокатская газета. – 2023. – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/prezumpsiya-viny-ili-nevinovnosti/> (дата обращения: 07.01.2026).
12. Чваненко, Д. А. Правовая природа реестра недобросовестных поставщиков // Юрист. – 2014. - № 24. – С. 22-26.

13. Щербаков Я.Е. Правовая природа меры юридической ответственности по включению в реестр недобросовестных поставщиков информации об участнике закупок // Проблемы права. – 2015. - № 1 (49). – С. 132-137.

УДК 347

**УГЛЕРОДНЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ.
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ИХ КЛАССИФИКАЦИИ И ПОТРЕБНОСТЬ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Ушаровский Кирилл Сергеевич,

студент 2 курса

ФГБОУ ВО СГЮА,

г. Саратов, Россия,

kirillusarovskiy@gmail.com

Аннотация: В российском праве углеродные единицы признаются оборотоспособными активами, но их квалификация по ст. 128 ГК РФ остается неурегулированной, порождая неопределенность. Статья аргументирует их статус как имущественных прав: нематериальная природа, верифицированный экологический эффект, оборот по договорам с регистрацией в реестре, без элементов вещи или владения. Отвергая аналогии с квотами или цифровыми активами, автор приводит примеры сделки «Сахалинэнерго» и предлагает закрепить статус в законе для устранения пробелов.

Ключевые слова: имущественные права, Киотский протокол, климатические проекты, оборотоспособность, реестр углеродных единиц, Сахалинский эксперимент, углеродные единицы, экологические квоты.

**CARBON UNITS AS OBJECTS OF CIVIL RIGHTS. UNCERTAINTY OF
THEIR CLASSIFICATION AND THE NEED TO IMPROVE THE CIVIL
CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Usharovsky Kirill Sergeevich,

second year student

FSBEI HE SSLA,

the city of Saratov, Russia

kirillusarovskiy@gmail.com

Abstract: In Russian law, carbon units are recognized as tradable assets, but their classification under Art. 128 of the Civil Code remains unregulated, creating uncertainty. The article argues for their status as property rights: immaterial nature, verified ecological effect, circulation via contracts with registry registration, without elements of things or possession. Rejecting analogies with quotas or digital assets, the author cites the Sakhalinenergo deal example and proposes codifying their status to eliminate gaps.

Keywords: property rights, Kyoto Protocol, climate projects, tradability, carbon units registry, Sakhalin experiment, carbon units, environmental quotas.

В контексте выполнения обязательств по «Киотскому протоколу», равно как и в рамках действия Федерального закона от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов», углеродные единицы признаются активами, подлежащими обороту. Тем не менее, их правовая квалификация как объектов гражданских прав согласно статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации — (далее ГК РФ) на текущий момент не получила должного урегулирования [1]. Это обстоятельство порождает правовую неопределенность.

В данном контексте встает проблема: является ли корректным отнесение углеродных единиц непосредственно к категории имущественных прав согласно ГК РФ, либо их уникальные характеристики обуславливают необходимость присвоения им иного правового статуса, такого как, например, административные дозволения или цифровые активы? На текущий момент

законодательство не дает четкого определения их правовой природы в рамках статьи 128 ГК РФ, что порождает неопределенность в дальнейшем формировании национальной практики обращения с ними.

Отправной точкой настоящего исследования является анализ базовых понятий, закрепленных в Федеральном законе № 296-ФЗ. В соответствии с данным актом углеродная единица представляет собой «верифицированный результат реализации климатического проекта, выраженный в массе парниковых газов, эквивалентной одной тонне углекислого газа» [3].

Законодательство определяет ряд ключевых терминов, осмысление которых дает основание полагать, что разработчики правовых норм изначально задумывали углеродную единицу как неосязаемый актив, обладающий денежным выражением. Употребление терминов «реестр углеродных единиц», «счета в реестре», «операции с углеродными единицами», «обращение углеродных единиц» и «участники оборота» свидетельствует о том, что углеродная единица не только отображает результаты реализации климатического проекта в сфере экологии, но и становится частью целенаправленно организованной системы обращения, имеющей значительное сходство с оборотом финансовых инструментов.

Таким образом, формулировка правового статуса углеродной единицы и смежных понятий свидетельствует о том, что данный инструмент обладает двойственной природой. С одной стороны, он является продуктом усилий, направленных на уменьшение выбросов парниковых газов. С другой стороны, углеродная единица выступает как самостоятельный объект гражданских правоотношений, в рамках которого допустимо совершение юридически значимых сделок.

Ключевой аспект углеродной единицы состоит в ее нематериальной природе, определяемой экологическим воздействием, связанным с уменьшением выбросов парниковых газов. В отличие от физических активов, углеродная единица не имеет материальной формы и представляет собой абстрактное право,

подтверждающее достижение климатических целей. Эта концепция сопоставима с правовым требованием, изложенным в статье 307 ГК РФ, где требование определяется как субъективное гражданское право кредитора, направленное на совершение должником определенных действий, без физического воплощения. В свою очередь, углеродная единица наделяет правом признания климатического достижения, которое может быть передано третьим лицам или использовано для компенсации собственных выбросов, подобно выполнению договорных обязательств.

Оборотоспособность углеродных единиц реализуется исключительно в обязательственной форме: передача осуществляется посредством договоров купли-продажи с обязательной регистрацией перехода прав в реестре согласно ст. 10 Закона № 296-ФЗ, что исключает элементы непосредственного владения или следование вещи.

Классификация углеродных единиц как вещей по статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации неприемлема по причине системных противоречий. Единицы не существуют как индивидуально-определенная вещь, а лишь генерируются проектами. Признание их вещными объектами повлекло бы абсурдные последствия, включая невозможность раздела нематериальной единицы при правопреемстве или в процедурах банкротства.

В отличие от административных разрешений, таких как государственные квоты на выбросы, регулируемые Федеральным законом от 26.07.2019 № 195-ФЗ «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха», углеродные единицы обладают принципиально иным правовым режимом [4]. Они генерируются на основе добровольного участия в частных климатических проектах и могут свободно перемещаться между разнообразными сторонами. Это включает в себя как сельскохозяйственных производителей, осуществляющих деятельность по поглощению углерода через

лесохозяйственные проекты, так и промышленные предприятия. Отсутствие здесь публично-правового статуса полностью исключает возможность проведения параллелей с лицензиями или разрешениями, которые, как правило, связаны с защитой общественных интересов.

Сравнение с цифровыми финансовыми активами также некорректно. Ценность цифровых активов определяется их алгоритмическими или финансовыми свойствами, тогда как ценность углеродных единиц обусловлена подтвержденным экологическим воздействием. Реестр является механизмом подтверждения прав, а не самостоятельным источником стоимости, что определяет его гражданско-правовой, а не финансовый характер.

Исходя из вышеизложенного, наиболее точным определением для углеродной единицы является статус имущественного права. Это обусловлено тем, что ее ценность заключается исключительно в подтвержденном праве на компенсацию экологического эффекта. Данное право оборотоспособно посредством реестра и передается по договору как чистое обязательственное правоотношение, лишенное материального воплощения или делимости.

Рассмотрим в качестве иллюстрации случай сотрудничества между «Сахалинэнерго» и «Ногликским водоканалом» относительно приобретения единиц для исполнения квоты [2]. В данном соглашении объектом договора купли-продажи выступает особое имущественное право, зафиксированное в реестре, которое позволяет покупателю компенсировать превышение установленных лимитов выбросов. Само по себе это право представляет собой совокупность записей, а не физический документ или услугу. Таким образом, контракт выступает лишь инструментом для обращения данного права, без которого углеродная единица лишается своей ценности.

Несмотря на успешный опыт Сахалинского пилотного проекта, где состоялась первая крупная сделка по продаже углеродных единиц на основе временных региональных правил, вопрос о их легальной классификации как имущественных прав имеет большое значение.

В Киотский период Россия, ратифицировав протокол, имела избыток квот благодаря постсоветскому спаду производства и продавала их Европе, но без чёткого статуса, который так и не был закреплён во временном реестре. Сахалинский эксперимент смог подтвердить работоспособность рынка.

Исходя из исторической справки, целесообразно, чтобы закон № 296-ФЗ устранил пробелы, закрепляя углеродную единицу как особую категорию имущественных прав с федеральным реестром.

Стоит обратить внимание так же на общую норму ГК РФ, так как она представляется слишком абстрактной для единиц, ведь без конкретики они находятся между безденежным требованием и дематериализованной вещью, что требует специального пояснения их правовой природы.

Библиографический список использованных источников.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025). Ст. 128 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Министерство экономического развития Российской Федерации. На Сахалине провели первую сделку по компенсации выбросов парниковых газов [Электронный ресурс]. Официальный сайт Минэкономразвития России, 29.04.2025. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/na_sahaline_proveli_pervuyu_sdelku_po_kompensacii_vybrosov_parnikovyh_gazov.html.
3. Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5139.
4. Федеральный закон от 26.07.2019 № 195-ФЗ «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха» (в ред. от 25.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

УДК 347.6

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ МАТЕРИНСКОГО (СЕМЕЙНОГО) КАПИТАЛА ПРИ НАЛИЧИИ БРАЧНОГО ДОГОВОРА

Аникушина Татьяна Константиновна,

студент 2 курса магистратуры

ФГБОУ ВО «УдГУ»,

г. Ижевск, Россия,

tanikuschina@yandex.ru

Аннотация: настоящая статья рассматривает ряд вопросов, связанных с судебными разбирательствами по вопросу имущества супругов, которое было совместно нажито, когда объектом разбирательства выступает собственность, приобретенная за счет средств материнского капитала и между супругами заключен брачный договор. Проанализированы подходы, сформированные в судебной практике и среди ученых юристов относительно данного вопроса.

Ключевые слова: брачный договор, дети, имущество супругов, материнский капитал, расторжение брака.

USE OF MATERNITY (FAMILY) CAPITAL IN THE PRESENCE OF A MARRIAGE CONTRACT

Anikushina Tatyana Konstantinovna,

second-year master's student

FGBOU VO «UDSU»,

the city of Izhevsk, Russia,

Abstract: This article examines a number of issues related to court proceedings on the issue of the property of the spouses, which was jointly acquired, when the object of the proceedings is property acquired at the expense of the maternity capital and a prenuptial agreement is concluded between the spouses. The approaches formed in judicial practice and among legal scholars regarding this issue are analyzed.

Keywords: marriage contract, children, marital property, maternity capital, and divorce.

Использование средств материнского (семейного) капитала представляет собой важный аспект поддержки российских семей, в которых есть дети. Но практика показывает, что если при этом еще был заключен брачный договор, то он влияет на распоряжение финансами из маткапитала, особенно в случаях развода супругов или иных юридических изменений семейного положения. Настоящая работа посвящена исследованию особенностей использования средств материнского капитала при наличии брачного договора, анализу существующих законодательных норм и судебной практики.

Маткапитал (семейный капитал) представляет собой финансы федерального бюджета, которые передаются в бюджет Фонда социального и пенсионного страхования РФ с целью реализации мер государственной поддержки семей с детьми. Фактически это те, средства, которые можно направить на:

- образование;
- улучшение жилья;
- получение ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) ребенка до 3-х лет;
- социальную адаптацию детей-инвалидов;
- пенсионное обеспечение [2, с. 7].

Материнский капитал выступает важнейшим инструментом реализации государственной семейной политики, целью которой является стимулирование рождаемости и обеспечение молодых семей жильем. ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» установлены лица (собственники) с правом на жильё, которое было куплено на средства маткапитала. Также закон предусматривает форму собственности - долевую [7]. Ст. 3 закона гласит, что средства маткапитала, которые предоставляются семье, должны использоваться только на вышеизложенные цели. Среди таких целей выделяются приобретение жилья, образование ребенка, формирование накопительной пенсии матери и др. [7].

В 2025 году более 1 500 000 российских семей получили возможность распорядиться средствами материнского капитала. На данные цели было направлено свыше 434 миллиардов рублей [8]. Традиционно одним из наиболее популярных способов расходования средств материнского капитала продолжает оставаться решение жилищного вопроса семьи. На эти цели СФР в 2025 году перечислил 344,8 млрд. рублей, большая часть (267,8 млрд рублей) из которых пошла на оплату кредитов, полученных для приобретения жилья. Остальные средства (сумма около 77 миллиардов рублей) были направлены гражданами непосредственно на приобретение недвижимости без оформления ипотечных займов, а также на проведение строительных работ, реконструкции жилых помещений и возмещение затрат, понесенных ранее на указанные цели [8]. Программа материнского капитала продлена до конца 2030 года.

Несмотря на большие объемы финансирования, юридический режим средств материнского капитала и правила их распределения продолжают вызывать споры среди ученых-юристов и профессиональных юристов-практиков.

Одним из наиболее сложных вопросов является использование средств материнского капитала супругами, заключившими брачный договор, поскольку материнский капитал представляет собой целевую государственную поддержку,

предназначенную исключительно для нужд детей и всей семьи, а не является личным имуществом супругов, в связи с чем оформление брачного договора супругами не меняет правовой статус данных средств. Брачный договор позволяет супругам изменить режим общей собственности и установить собственный порядок распоряжения имуществом, которое было приобретено ими в течение брака. При подписании брачного контракта и выборе режима раздельной собственности многие супруги ошибочно полагают, что оформление имущества на своё имя обеспечивает им абсолютное и исключительное право собственности, гарантирующее полную защиту от любых претензий другого супруга.

Законодательством установлено, что брачный договор не может нарушать права детей на выделение доли в жилье, которое было куплено на средства маткапитала. Выделение долей детям и обоим супругам - это обязательные условия [2, с. 35], которые закреплены ч.4 ст.10 ФЗ от 29.12.2006 N 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [7]. Данная доля не может быть предметом раздела ни в рамках судебного разбирательства, ни согласно условиям заключенного брачного договора [2, с. 35].

Верховный суд РФ в Обзоре судебной практики по делам, которые связаны с реализацией маткапитала, разъяснил, что средства маткапитала – это не совместно нажитое имущество, и дети - это участники долевой собственности недвижимости, которая была приобретена (реконструирована, построена) на средства маткапитала [3].

Кроме того, Федеральная нотариальная палата обратила внимание на то, что брачным договором нельзя определить передачу жилья, которое было куплено в браке еще и с привлечением маткапитала, одному из супругов единолично. В случае если необходимо передать долю другому супругу, то нужно заключить дополнительную сделку по распоряжению этим жильем [6].

Важно отметить, что при разводе, если доли в жилье не были распределены, то такое имущество может признаться общим совместным, несмотря на наличие ранее заключенного брачного договора. Ярким примером подобной ситуации служит апелляционное определение Московского городского суда, который рассматривал дело о квартире, приобретённой супругами в ипотеку с использованием средств материнского капитала. Несмотря на наличие брачного контракта, закреплявшего право личной собственности супруги на квартиру, суд вынес решение о признании квартиры общим имуществом, находящимся в долевой собственности обоих супругов и их ребенка, поскольку при её приобретении использовались средства материнского капитала. При этом доля супруга будет определяться пропорционально его вкладу из средств материнского капитала, учитывая предписания брачного договора [1].

Анализ судебной практики показал, что этот подход среди судов является общепринятым. При схожей ситуации Второй кассационный суд общей юрисдикции постановил, что, закрепляя в брачном договоре единоличную собственность на жилье за одним супругом, за вторым - должна сохраняться доля в этом жилье, так как оно приобретено на средства маткапитала [4].

Оформляя брачный договор, супруги должны знать, что изменение распределения имущества, которое приобретено на средства маткапитала, в пользу одного из супругов не лишает права второго супруга на долю, пропорциональную сумме потраченного материнского капитала. Данной позиции также придерживаются и ученые-юристы. А.В. Панова отмечает, «что важно выделять доли всем членам семьи, то есть не только супругам, но и детям. Жилье, которое было куплено с помощью маткапитала не делится пополам, как любая другая собственность» [5, с. 3]. По мнению Е.Ю. Горской, брачный контракт не может затрагивать имущество, которое было приобретено на средства маткапитала, так как они имеют целевое назначение, не считаются совместным имуществом. В Семейном кодексе РФ предусмотрено право установления отдельной собственности на имущество каждого из супругов не

предполагающего возможности перехода имущества, находящегося в раздельной собственности у одного из супругов, в собственность другого супруга путем заключения брачного договора, так как в данном случае не происходит изменения режима собственности в отношении указанного имущества, соответственно, брачный договор не может заключаться в отношении доли супруга в праве собственности на указанное жилое помещение с целью ее перехода в раздельную собственность другого супруга» [2, с. 31].

Резюмируя, можно сделать вывод о том, что вопросы, связанные с использованием средств маткапитала супругами, заключившими брачный договор, требуют особого внимания и тщательного правового анализа. Несмотря на наличие добровольного согласия сторон относительно имущественных прав, закрепленных в договоре, законодательство однозначно подчеркивает приоритет защиты интересов детей и семейного благополучия.

Свобода составления брачных соглашений не освобождает супругов от обязанности соблюдать законодательные нормы, предписывающие обязательное выделение доли каждому ребёнку и второму родителю при покупке жилья с участием средств материнского капитала.

Библиографический список использованных источников

1. Апелляционное определение Московского городского суда по делу №33-18853/2025 от 14 мая 2025 года. URL: <https:sudact/ru>
2. Горская Е.Ю. Актуальные вопросы материнского (семейного) капитала в нотариальной практике// Серия «Электронная библиотека АНО ДПО «Научно-методический Центр». - 2024. - 40 С.
3. Обзор судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2016 //СПС «Консультант Плюс».
4. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.12.2022 по делу № 88-28601/2022. URL: <https:sudact.ru>

5. Панова А.В. Раздел общего имущества супругов, приобретенного с использованием средств материнского капитала // Наука, образование и культура. – 2017. – С.4
6. Письмо Федеральной нотариальной палаты от 18.01.2023 № 200/03-16-3 IV квартал 2022 г. // СПС «Консультант Плюс».
7. Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в Силу с 01.01.2026).
8. Численность лиц, получивших государственный сертификат на материнский (семейный) капитал (статистические данные) // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807>.

УДК 347.61

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО И ПСИХОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ ЗНАНИЙ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ О ДЕТЯХ

Касько София Григорьевна,

студентка 2 курса

ОГУ имени И.С. Тургенева,

г. Орёл, Россия,

Kasko.sofiy@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию концептуального разрыва между юридическим и психологическим подходами в семейно-правовых спорах о воспитании детей. Анализируется, как категории привязанности, психологического насилия и интересов ребенка, оставаясь за рамками процессуального поля, фактически определяют судьбу несовершеннолетних. Обосновывается необходимость интеграции психологического знания в правоприменительную практику – от изменения критериев оценки доказательств до внедрения комплексных экспертных методик и медиативных процедур.

Ключевые слова: интересы ребенка, медиация, привязанность, психологическая экспертиза, психологическое насилие, психология, семейное право, споры о детях, судебно-психиатрическая экспертиза.

FAMILY LAW AND PSYCHOLOGY: THE PROBLEM OF KNOWLEDGE INTEGRATION IN CHILD ARBITRATION

Kasko Sofia Grigorievna,

2nd year student

I. N. Turgenev OSU,
Orel, Russia,
Kasko.sofiy@mail.ru

Abstract: The article explores the conceptual gap between legal and psychological approaches in family law disputes over child custody. It analyzes how the categories of attachment, psychological abuse, and the child's interests, while remaining outside the legal framework, effectively determine the fate of minors. The article argues for the integration of psychological knowledge into legal practice, from changing the criteria for evaluating evidence to implementing comprehensive expert methods and mediation procedures.

Keywords: mediation, child's interests, attachment, psychological examination, psychological abuse, psychology, family law, disputes over children, forensic psychiatric examination.

Юридическая наука исторически складывалась как система формальных координат: права и обязанности, иски и возражения, допустимые и недопустимые доказательства. Эта логическая стройность, обеспечивающая предсказуемость правоприменения, оказывается под угрозой там, где предмет регулирования становятся не договоры или сделки, а человеческие привязанности, эмоциональные травмы и внутрисемейные конфликты. Семейное право в этом смысле находится на передовой междисциплинарного взаимодействия – его нормы призваны упорядочивать отношения, которые по своей природе иррациональны и глубоко психологичны.

Особенно остро эта проблема проявляется в спорах о детях. Определение места жительства ребенка, порядка общения с отдельно проживающим родителем, ограничение или лишение родительских прав – в каждом таком деле суд вынужден оперировать категорией «интересы ребенка», закрепленной в статье 65 Семейного кодекса РФ. Но что стоит за этим понятием? В

постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 года № 8 разъяснялось, что под интересами ребенка следует понимать создание благоприятных условий для его воспитания и всестороннего развития. Однако такая трактовка, будучи юридически корректной, оставляет без ответа главный вопрос: как измерить «благоприятность» условий, если речь идет не о метраже жилья или размере алиментов, а о психологической безопасности, эмоциональной стабильности и сохранении привязанностей [1, с. 26]?

Здоровье ребенка, понимаемое в соответствии с определением Всемирной организации здравоохранения как состояние полного физического, душевного и социального благополучия, становится тем ориентиром, который мог бы наполнить правовую категорию реальным содержанием. Но именно душевное и социальное благополучие хуже всего поддаются формализации. Судья видит в материалах дела характеристики с места работы, справки о доходах, показания свидетелей, но не видит главного – способен ли родитель обеспечить ребенку ту самую эмоциональную безопасность, без которой невозможно нормальное психическое развитие [3, с. 92].

Центральным понятием, вокруг которого выстраивается экспертный анализ детско-родительских отношений, становится привязанность. В быденном языке это слово означает чувство близости, основанное на преданности и симпатии. В психологической науке, начиная с работ Джона Боулби и Мэри Эйнсворт, привязанность понимается как глубинная эмоциональная связь, формирующаяся в раннем детстве и определяющая способность человека к построению близких отношений на протяжении всей жизни. Ребенок может позитивно относиться к родителю, который дарит подарки или интересно проводит время, но подлинная привязанность формируется к тому, с кем он чувствует себя в безопасности, чье присутствие снижает тревогу и дает ощущение защищенности.

Сложность для правоприменителя заключается в том, что эти категории – привязанность и отношение – часто смешиваются, а суды, стремясь получить от

экспертов однозначный ответ, требуют определить, к кому ребенок «привязан больше», желательно даже в процентном соотношении [4, с. 26]. Но психологическая реальность устроена сложнее: привязанность не поддается количественному измерению, она может быть нарушена, но восстановить ее после разрыва крайне трудно, а иногда и невозможно. Игнорирование этих особенностей ведет к тому, что судебное решение, формально законное, оказывается психологически разрушительным: ребенок разлучается с фигурой привязанности, передается родителю, который не способен обеспечить эмоциональную стабильность, и в результате получает психическую травму, последствия которой скажутся через годы.

Не менее сложная проблема связана с доказыванием психологического насилия. В отличие от физического, оно не оставляет синяков и побоев, его следы скрыты в особенностях коммуникации, в паттернах взаимодействия, в эмоциональных реакциях ребенка. Газлайтинг, игнорирование, манипуляции, угрозы, формирование у ребенка чувства вины – все это может разрушать психику не менее эффективно, чем прямое жестокое обращение. Однако в процессуальном смысле такие действия остаются «невидимыми»: их сложно зафиксировать, сложно подтвердить доказательствами, сложно перевести на язык юридически значимых обстоятельств [5, с. 262].

Выход из этой методологической ловушки видится в развитии института комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. За последние два десятилетия в ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России сформировалась научно обоснованная методология проведения таких экспертиз по спорам о воспитании детей. Предметом экспертного психологического исследования становятся оценка семейного конфликта, характер воздействия на ребенка длительной психотравмирующей ситуации, индивидуально-психологические особенности родителей, характер привязанности ребенка. Предмет психиатрического исследования – оценка психического состояния сторон и ребенка, выявление нарушений психического развития.

Особого внимания заслуживают экспериментальные методики, применяемые в рамках таких экспертиз. Проба на совместную деятельность, например, позволяет наблюдать за взаимодействием родителя и ребенка в моделируемой ситуации, выявлять реальные паттерны их отношений, которые могут не совпадать с декларируемыми в беседе установками. Как показывают исследования, проведенные в Центре им. Сербского, такая процедура дает принципиально новую информацию, влияющую на экспертную позицию, и позволяет объективировать высказывания и оценки участников спора. Ребенок может говорить о любви к обоим родителям, но в ситуации совместного решения задачи проявит доверие и готовность к сотрудничеству только с одним из них – и этот факт станет важным диагностическим критерием.

Однако экспертиза, при всей ее значимости, не решает проблему полностью. Она лишь фиксирует состояние на момент исследования, но не предлагает путей выхода из конфликта. Между тем высоко конфликтные разводы, в которых стороны используют судебные иски как оружие продолжения войны, требуют не столько диагностики, сколько терапии. Без изменения самой структуры отношений любые судебные решения будут порождать новые витки противостояния, а ребенок останется заложником родительских амбиций.

Здесь открывается поле для применения медиативных технологий. В отличие от психологического консультирования, направленного на изменение системы отношений в целом, медиация сфокусирована на разрешении конкретного конфликта и выработке взаимоприемлемых договоренностей. При этом в ходе медиации стороны нередко приходят к переосмыслению происходящего и формированию конструктивных моделей взаимодействия, что позволяет не только урегулировать текущий спор, но и предотвратить будущие конфликты. Особенно перспективным выглядит включение медиативных процедур в систему профилактики супружеских конфликтов на ранних стадиях,

когда противостояние еще не достигло той степени ожесточения, при которой переговоры становятся невозможны.

Анализ деятельности служб медиации, работающих в сфере молодежной политики Санкт-Петербурга, показывает востребованность такой помощи. За пять лет работы в службу поступило более двух с половиной тысяч обращений, связанных с конфликтами, затрагивающими интересы лиц до 35 лет. Значительная часть этих случаев касалась семейных отношений, и медиативные процедуры позволили сторонам прийти к соглашению без обращения в суд либо с минимизацией судебных издержек [2, с. 173].

Однако полноценная интеграция психологического знания в семейно-правовое регулирование требует системных изменений на нескольких уровнях. Прежде всего необходимо законодательное закрепление приоритета психологического благополучия ребенка при принятии судебных решений. Речь не о декларациях, а о внесении в Семейный кодекс разъясняющих положений, ориентирующих суды на учет не только материальных, но и эмоциональных факторов – сохранение стабильной среды, фигур привязанности, психологической безопасности.

Второе направление – совершенствование процессуального статуса психологической экспертизы. Экспертное заключение должно не просто констатировать наличие или отсутствие отклонений, а отвечать на правовые вопросы, сформулированные таким образом, чтобы суд мог применить полученные выводы. Это требует более тесного взаимодействия юридического и психологического сообществ при разработке методических рекомендаций и критериев оценки.

Третье направление – развитие института судебной медиации с обязательным участием профессиональных психологов-медиаторов. В ряде зарубежных правовых систем (например, в Италии и Германии) медиация по семейным спорам является обязательной досудебной стадией. Российское законодательство пока оставляет этот вопрос на усмотрение сторон, что при

высоком уровне конфликтности приводит к тому, что возможность примирения упускается.

Наконец, ключевое условие – изменение подхода самих носителей судебной власти. Программы повышения квалификации судей должны включать не абстрактные лекции по психологии, а практические модули, формирующие навыки распознавания признаков психологического насилия, понимания возрастных кризисов и основ конфликтологии. Судья должен научиться видеть за текстом иска живого ребенка, чья судьба зависит от мудрости принимаемого решения.

Интеграция психологии в семейное право – это не вопрос академического интереса, а условие сохранения доверия к правосудию. Если судебные решения будут продолжать штамповаться по формальным лекалам, игнорируя реальность детских травм и родительских манипуляций, правосудие рискует превратиться в ритуал, лишенный гуманного содержания. Цель заключается не в том, чтобы сделать судью психотерапевтом, а в том, чтобы вооружить его инструментарием, позволяющим разглядеть за строчками закона живого человека. Создание правовых механизмов, чувствительных к психологической реальности, – это инвестиция в психическое здоровье будущих поколений и, в конечном счете, в устойчивость всей правовой системы.

Библиографический список использованных источников

1. Афтахова А. В. Психология взаимоотношений субъектов споров, связанных с воспитанием детей // Гармонизация частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. Научная школа доктора юридических наук, профессора, почетного работника сферы образования Российской Федерации О. Ю. Ильиной. – М.: Юнити-Дана, 2023. – С. 24–33.
2. Бриль М. С., Бекренёва Ю. С., Осипенко И. С. Применение медиации в разрешении межличностных и внутрисемейных конфликтов // Социальная психология и общество. – 2024. – Т. 15. – № 3. – С. 163–180.

3. Русаковская О. А. К вопросу о компетенции психиатра при комплексных судебных психолого-психиатрических экспертизах родителей в спорах о воспитании детей // Психология и право. – 2025. – Т. 15. – № 2. – С. 90–106.

4. Савина О. Ф. Судебно-психологическая экспертиза при спорах родителей о воспитании ребенка: понятия «привязанность» и «отношение» // Психология и право. – 2025. – Т. 15. – № 2. – С. 19–33.

5. Черяпина А. О. Психологическое насилие в семье: правовые критерии установления и доказывания // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки: материалы XI Международной научно-практической конференции. – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 261–263.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 34

РИСКИ КУРЬЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ДРОППЕРСТВА

Смирнова Елизавета Олеговна,

Студентка 3 курса 1 группы,

Волго-Вятского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

г. Киров, Россия,

elizavetasmirnova1081@gmail.com

Аннотация: В данной статье проводится комплексный анализ правовых аспектов, касающихся идентификации и квалификации действий лиц, известных как «дропперы». Эти лица выступают в качестве участников сложных преступных механизмов, предназначенных для легализации переводов похищенных финансовых ресурсов через банковские счета. Исследование охватывает различные типологические категории дропперов, их функциональные роли в структуре преступной деятельности, а также современные тенденции и методы привлечения их к уголовной ответственности. Дополнительно анализируется понятие «курьер» и сопряженные с ним уголовно-правовые последствия.

Ключевые слова: Виды привлечения пострадавших в схемы дропперов, дропперство, курьер, мошенничество, поправки в федеральном законе, уголовная ответственность.

RISKS OF COURIER ACTIVITIES: THE LEGAL ASPECT OF DROPPERS

Smirnova Elizaveta Olegovna,

3rd year students of the 1st group,

Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin University (MSAL),

the city of Kirov, Russia,

elizavetasmirnova1081@gmail.com

Annotation: This article provides a comprehensive analysis of the legal aspects related to the identification and qualification of the actions of persons known as "droppers". These individuals act as participants in complex criminal mechanisms designed to legalize and transfer stolen financial resources through bank accounts. The study covers various typological categories of droppers, their functional roles in the structure of criminal activity, as well as current trends and methods of bringing them to criminal responsibility. In addition, the concept of "courier" and the criminal law consequences associated with it are analyzed.

Keywords: Types of involvement of victims in dropper schemes, droppers, courier, fraud, criminal liability, amendments to the federal law.

В 2025 году, а именно 5 июля в силу вступили законодательные изменения, направленные на ужесточение мер ответственности за содействие в выводе преступных финансовых средств. Согласно новым поправкам, участие в таких схемах карается штрафными санкциями в размере до 300 000 рублей либо лишением свободы на срок до трех лет [7].

Важно подчеркнуть, что лица, вовлеченные в процессы вывода денежных средств (так называемые дропперы), часто становятся жертвами граждан, находящихся в сложных жизненных ситуациях и не полностью осознающих возможные правовые и финансовые последствия своих действий. В эту категорию входят пенсионеры, молодежь, лица без постоянного места работы, а

также женщины, находящиеся в декретном отпуске и испытывающие финансовые затруднения.

Преступники не ограничиваются лишь обманом жертвы; их деятельность представляет собой многоступенчатый процесс, включающий хищение денежных средств и их последующее сокрытие. После успешного получения доступа к финансовым активам, злоумышленники используют сложную схему, включающую использование карт подставных лиц, известных как дропперы. Термин "дроппер" происходит от английского слова "dropper", что означает "сбрасыватель" или "тот, кто сбрасывает".

В качестве дропперов могут выступать так же и несовершеннолетние, которых включают в свои «схемы», которые зачастую не осознают своей вовлеченности в преступную деятельность. Однако это не освобождает их от юридической ответственности за свои действия. Преступники получают доступ к банковским реквизитам жертв, что позволяет им вовлечь их в схему незаконного использования финансовых средств [5].

После хищения денежных средств, преступники используют карты дропперов для перевода украденных сумм на различные подставные счета. Обычно процесс включает десятки таких счетов, что значительно затрудняет идентификацию и отслеживание движения средств. Затем эти средства обналичиваются или конвертируются в криптовалюту, которая обладает высокой степенью анонимности и практически не поддается идентификации владельца.

Таким образом, использование дропперов представляет собой неотъемлемую часть современных финансовых преступлений, обеспечивая злоумышленникам возможность эффективно скрывать следы своей деятельности и избегать ответственности.

Федеральный закон от 25 июня 2025 года № 176-ФЗ, внесший изменения в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации, представляет собой комплексный нормативный акт, направленный на противодействие незаконному

обороту платежных средств. Эти поправки, разработанные Правительством Российской Федерации, нацелены на регулирование деятельности лиц, осуществляющих финансовые операции через третьих лиц, известных в профессиональной среде как "дропперы" [9].

В соответствии с официальной статистикой, в 2024 году зафиксировано более 485 тысяч преступлений, квалифицируемых как мошенничество, что на 15 тысяч случаев превышает показатели предыдущего года. Общий ущерб, причиненный преступлениями, связанными с дистанционным хищением денежных средств, в 2024 году составил 197,5 миллиардов рублей, что представляет собой увеличение на 64,5 миллиарда рублей по сравнению с 2023 годом [3, с. 84].

Лица, совершившие незаконное завладение чужими денежными средствами, подлежат юридической ответственности и обязаны возместить весь объём похищенного в судебном порядке согласно **статье 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации**. Данная норма устанавливает принцип неосновательного обогащения, который предполагает, что лицо, незаконно получившее чужое имущество, обязано вернуть его собственнику [2].

Участие в преступной схеме, включающей использование подставных лиц (дропперов), влечёт за собой уголовную ответственность в соответствии с рядом статей Уголовного кодекса Российской Федерации, каждая из которых охватывает специфические аспекты данного правонарушения [1]. В частности, **статья 159 УК РФ** устанавливает уголовную ответственность за мошенничество, **статья 159.3 УК РФ** направлена на пресечение мошенничества, совершённого с использованием платёжных карт и иных электронных средств платежа. Кроме того, **статья 210 УК РФ** предусматривает ответственность за организацию преступного сообщества или участие в его деятельности, а **статья 205.1 УК РФ** определяет меры наказания за содействие террористической деятельности, что подчёркивает комплексный подход законодательства к противодействию финансовым преступлениям [4]. Чаще всего, людей

запугивают действиями, которых они не совершали, чем больше втягивают людей в мошеннические схемы. Такими действиями могут выступать лозунги мошенников по типу: «если клиент не продолжит переводить денежные средства на «безопасный счет», то «мошенники» сообщат в органы власти о переводе денежных средств «пострадавшими лицами» в помощь Украине». Сейчас непростая ситуация в нашей Великой стране и люди под страхом наказания, за деяние, которое они не совершали, продолжают переводить деньги злоумышленникам, брать кредиты, микрозаймы, сдавать ювелирные изделия и т.п. в ближайший ломбард, с целью получения быстрых денежных средств. Рассмотрим другие категории таких схем, классифицированные по их типологическим признакам и механизмам реализации.

1. Фишинг, маскирующийся под утечку банковских данных.

Злоумышленники прибегают к методам социальной инженерии, выдавая себя за сотрудников банков или правоохранительных органов. Они распространяют ложную информацию о якобы имевшей место утечке персональных данных клиентов и убеждают жертв пройти верификацию своих банковских реквизитов через подозрительные платформы. В результате мошенники получают доступ к банковским картам и осуществляют несанкционированные денежные переводы на подконтрольные счета.

2. Мошенничество под прикрытием участия в следственных мероприятиях.

Мошенники, изображая из себя сотрудников правоохранительных органов, вовлекают людей в фиктивные операции, якобы направленные на помощь в поимке преступников. Жертвам предлагают участвовать в обналчивании денежных средств, что в конечном итоге приводит к их вовлечению в преступную деятельность и утрате финансовых активов.

3. Финансовые пирамиды, маскирующиеся под схемы быстрого заработка.

Злоумышленники создают видимость легкого заработка, предлагая гражданам участвовать в схемах по переводу и обналичиванию денег. Жертвы, выполняя определенные действия, переводят средства на счета мошенников, убежденные, что получают вознаграждение.

4. Мошенничество в области интернет-торговли.

Мошенники размещают поддельные объявления о продаже товаров на популярных торговых площадках. Жертвам предлагается произвести оплату через банковские карты, что приводит к хищению их денежных средств.

5. Фиктивные лотереи.

Злоумышленники, выдавая себя за организаторов лотерей, привлекают граждан к участию в розыгрышах призов. Жертвам предлагают перечислять призовые средства на счета третьих лиц или отправлять прибыль на инвестиционные проекты, что ведет к утрате их денежных средств.

6. Мошеннические схемы с банковскими картами.

Мошенники, представляясь сотрудниками банков, убеждают граждан оформить банковские карты с целью последующего хищения средств. Жертвам также предлагают оформить карты для друзей или предоставить доступ к онлайн-банкингу, что неизменно приводит к финансовым потерям.

7. Использование заброшенных электронных кошельков.

Мошенники получают доступ к электронным кошелькам, которые были использованы один раз и заброшены. Жертвы теряют свои средства, так как мошенники переводят их на подконтрольные счета. В мошеннических схемах также принимают участие, так называемые «курьеры».

Курьеры нередко оказываются вовлечены в сложные схемы телефонного и дистанционного мошенничества, выполняя функции посредников в процессе получения наличных средств, банковских карт и других материальных ценностей от лиц, пострадавших от преступных действий. В ряде случаев курьеры осуществляют перевод денежных средств в другие регионы, используют банкоматы для их обналичивания или конвертации в криптовалюту.

Мошеннические схемы, как правило, задействуют курьеров посредством мессенджеров и платформ, таких как Telegram, предлагая им материальное вознаграждение, высокий уровень дохода и гибкий график работы. В отдельных случаях применяются методы психологического воздействия, включая угрозы уголовного преследования, что способствует вовлечению курьеров в противозаконную деятельность.

В январе 2024 года в Кировской области был задержан курьер, причастный к мошеннической схеме, известной как «родственник в беде». Данная преступная деятельность была выявлена на основании обращения пожилой жительницы города Яранска. По результатам рассмотрения жалобы было возбуждено уголовное дело по части 2 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, квалифицирующей действия как мошенничество, сопряженное с причинением значительного ущерба. Задержанный курьер, как пояснили в УМВД по Кировской области, оказался 21-летним жителем регионального центра, который согласился таким образом подзаработать [8].

Жертвой преступления стала 72-летняя жительница Яранска, которой поступил телефонный звонок от лица, представившегося её внучкой. Звонивший заявил, что попал в дорожно-транспортное происшествие и нуждается в денежных средствах для возмещения ущерба [6]. Не имея возможности связаться с внучкой посредством иных средств коммуникации, женщина передала все свои сбережения в размере 103 тысяч рублей курьеру, который прибыл к ней на такси.

В мае 2025 года сотрудники полиции Кировской области, действуя в тесном сотрудничестве с коллегами из Нижегородской области, произвели задержание курьера, причастного к данной преступной схеме. Сотрудниками выяснено, что курьер в течение одной недели получил восемь свертков с денежными средствами и передал их преступной группе.

В качестве курьеров в подобных схемах могут быть задействованы водители такси, студенты и другие лица. Участие в таких противоправных действиях может повлечь за собой уголовную ответственность в соответствии со статьей

159 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет.

В одном из регионов Российской Федерации в настоящее время ведётся уголовное расследование, связанное с инцидентом, в котором фигурирует пожилой гражданин, достигший возраста 89 лет. Данный субъект стал жертвой мошеннической схемы, основанной на введении его в заблуждение относительно возможности привлечения к уголовной ответственности. Под давлением злоумышленников мужчина выполнил их указания и совершил поездку в Кировскую область, где ему был передан пакет с денежными средствами и банковскими картами. Преступники утверждали, что указанные финансовые инструменты принадлежат пенсионеру, которые ранее были переданы другим лицам.

Следуя инструкциям неизвестных лиц, курьер осуществил операции по снятию денежных средств с банковских карт потерпевшего и их переводу на анонимные счета.

4 ноября 2025 года в городе Кирове местная жительница обратилась в органы полиции с заявлением о факте мошенничества. Злоумышленники убедили её в необходимости передачи курьеру 120 тысяч рублей, мотивируя это необходимостью их декларирования на банковских счетах. В результате данного инцидента следователем отдела по расследованию преступлений на территории Октябрьского района г. Кирова СУ УМВД России по г. Кирову возбуждено уголовное дело № 125013*0074000**, квалифицированное как мошенничество в отношении ФИО1. Курьер, являющийся одним из фигурантов данного преступления, был задержан.

В настоящее время продолжается расследование, направленное на установление всех обстоятельств произошедшего и привлечение виновных лиц к ответственности в соответствии с действующим законодательством.

Проблема мошенничества с участием курьеров представляет собой многоаспектную проблему, требующую комплексного подхода. Одним из

ключевых элементов данного подхода является повышение уровня финансовой грамотности населения, что является важнейшим фактором в противодействии данному виду преступлений. Финансовая грамотность способствует формированию у граждан осведомленности и бдительности, необходимых для распознавания и предотвращения мошеннических схем.

В процессе коммуникации с жертвами телефонные мошенники часто побуждают их передавать денежные средства непосредственно курьеру. Для успешной идентификации курьера, который способствует хищению денежных средств, необходимо обращать внимание на ряд специфических кодовых фраз, используемых злоумышленниками. К таким фразам относятся: «Не сообщайте никому», «Я от представителя банка», «Проверка безопасности» и «Все согласно инструкции». Эти фразы могут варьироваться, но их основная цель — создать у жертвы ощущение легитимности и необходимости выполнения инструкций.

Кроме того, мошенники могут использовать условные слова и пароли, которые потенциальные жертвы должны сообщить для получения денежных средств или иного ценного имущества. Эти условные обозначения служат дополнительным средством маскировки и усложняют распознавание мошеннической схемы. Таким образом, осведомленность граждан о подобных методах и способность критически оценивать информацию являются важными элементами в борьбе с мошенничеством с участием курьеров.

Библиографический список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.02.2019) // [Электронный ресурс]: официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 16.02.2026).
2. Гриненко А. В. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем: уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты: монография / А.В. Гриненко, А.В. Коляда, С.Н. Хорьяков. М.: Проспект, 2022. 184 с.

3. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). – «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
4. Приговор № 1-122/2024 1-8/2025 от 13 января 2025 г. по делу № 1-122/2024 Яранский районный суд (Кировская область) // [Электронный ресурс]: официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 16.02.2026).
5. Рарог А. И. Уголовное право России. Особенная часть: учебник. М.: Проспект, 2023. 245 с.
6. РБК. Замглавы Финразведки — РБК: «Дропперы — просто «пехота» преступного мира». // URL: <https://www.rbc.ru/finances/27/03/2025/67e28ba29a7947db17718b3a>
7. РБК (04.09.2024). МВД разработало законопроект о наказании для дропперов. // URL: <https://www.rbc.ru/finances/04/09/2024/66d8032f9a7947796bcc7551>.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // [Электронный ресурс]: официальный интернет- портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 16.02.2026).
9. Федеральный закон от 24.06.2025 г. № 176-ФЗ О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации.

УДК 34

ОТГРАНИЧЕНИЕ БАНДИТИЗМА ОТ РАЗБОЯ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Цылева Юлия Владимировна,

студентка 3 курса 1 группы,

Волго-Вятского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

г. Киров, Россия,

awyulili@gmail.com

Аннотация: Актуальность данной проблематики обусловлена высокой долей хищений в структуре преступности Российской Федерации. В процессе правоприменительной деятельности органы правопорядка сталкиваются с проблемой разграничения бандитизма (ст. 209 УК РФ) и разбоя (ст. 162 УК РФ), что требует детального анализа признаков состава преступлений.

Ключевые слова: Анализ правоприменительной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 162 УК РФ, уголовно-правовая борьба с бандитизмом, вымогательством, грабежом, разбоем.

DIFFERENTIATION OF BANDITRY FROM ROBBERY: PROBLEMS OF QUALIFICATION

Tsyleva Yulia Vladimirovna,

3rd year student of the 1st group,

Volga-Vyatka Institute (branch)

Kutafin University (MSAL),

the city of Kirov, Russia,

Annotation: The relevance of this problem is due to the high proportion of theft in the structure of crime in the Russian Federation. In the process of law enforcement, law enforcement agencies are faced with the problem of distinguishing between banditry (Article 209 of the Criminal Code of the Russian Federation) and robbery (Article 162 of the Criminal Code of the Russian Federation), which requires a detailed analysis of the elements of crimes.

Keywords: Analysis of law enforcement practice in criminal cases of crimes under Article 162 of the Criminal Code of the Russian Federation, criminal law fight against banditry, extortion, robbery, robbery.

В рамках теории уголовного права и следственно-судебной практики возникает ряд сложных и многоаспектных вопросов, связанных с дифференциацией разбойных нападений и иных преступлений, что нередко приводит к необходимости переквалификации общественно опасных деяний. Одной из особенно актуальных и дискуссионных проблем является разграничение вооруженного разбоя, осуществляемого организованной группой (в соответствии с пунктом «а» части 4 статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации), и бандитизма (согласно статье 209 Уголовного кодекса Российской Федерации) [1].

Основная сложность данной проблематики обусловлена тем, что оба указанных состава преступлений обладают рядом существенных сходных признаков. В частности, они включают в себя нападение на граждан или организации, сопровождаемое применением насилия или угрозой его применения. Кроме того, и банда, и вооруженная организованная группа, осуществляющая разбойные нападения, характеризуются высокой степенью устойчивости и предварительным объединением субъектов для систематического осуществления преступной деятельности.

Для более глубокого понимания данной проблемы необходимо провести детальный анализ законодательных формулировок, а также рассмотреть правоприменительную практику и доктринальные подходы к разграничению указанных составов преступлений. В частности, следует обратить внимание на различия в уровне общественной опасности, степени организованности и характере преступных действий, а также на цели и мотивы субъектов преступной деятельности.

Анализ статистических данных демонстрирует снижение числа преступлений, предусмотренных указанными статьями УК РФ. Согласно официальной статистике, в 2025 году в Российской Федерации было зарегистрировано 1 771 000 преступлений, что на 7,3% меньше по сравнению с предыдущим годом. Однако, несмотря на общее снижение уровня преступности, наблюдается рост регистрируемых преступлений в 5 регионах и снижение в 80 регионах РФ.

Особое внимание следует уделить динамике преступлений, связанных с хищениями имущества. По данным МВД России, в 2025 году было зарегистрировано 453 338 краж (ст. 158 УК РФ), что на 46 000 меньше по сравнению с 2024 годом. Это свидетельствует о продолжающемся снижении числа краж, начавшемся с 2015 года, когда было зафиксировано более 1 миллиона таких преступлений [4].

Также стоит отметить, что в 2025 году было зарегистрировано 14 400 грабежей (ст. 161 УК РФ), 6 200 вымогательств (ст. 163 УК РФ) и почти 2 500 разбоев (ст. 162 УК РФ). Эти показатели демонстрируют, что разбойные нападения остаются одной из серьезных проблем в сфере уголовного права.

Дополнительно необходимо учитывать, что преступления, связанные с бандитизмом (ст. 209 УК РФ), часто остаются нераскрытыми, что затрудняет получение полной картины о реальной ситуации. В 2025 году за первые десять месяцев было осуждено всего 46 человек по данной статье, что свидетельствует

о значительной разнице в масштабах применения норм, регулирующих ответственность за бандитизм и разбойные нападения.

Проблема разграничения разбойных нападений и бандитизма требует дальнейших научных исследований и разработки более четких критериев квалификации. Это позволит повысить эффективность правоприменительной практики и обеспечить защиту прав и законных интересов граждан.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» предоставляет детальное разъяснение данного понятия [5]. Под бандой понимается устойчивая и организованная вооруженная группа, состоящая минимум из двух лиц, которые предварительно объединились с целью совершения нападений на граждан или организации. Важно отметить, что банда может быть создана и для осуществления одного, но тщательно спланированного нападения. Ключевым отличием банды от других организованных преступных групп является наличие вооружения и специфическая преступная цель, направленная на нападения на граждан и организации. Однако, Ермакова Т.Н. утверждает, что сплочённость включает в себя не только организационно-структурные аспекты, такие как наличие иерархии и внутреннего регламента, но и психологическую связь между членами, выражающуюся в общности целей и действий. Это позволяет преступному сообществу действовать как единое целое, скрывать деятельность от правоохранительных органов и эффективно реализовывать преступные планы [2, с. 192-196].

Признаки устойчивости банды включают стабильность состава группы, тесные связи между участниками, согласованность их действий, а также постоянство в методах и формах преступной деятельности. Кроме того, устойчивость банды может быть определена продолжительностью ее существования и количеством совершенных преступлений [3, с. 108].

Согласно статье 209 УК РФ, одним из обязательных признаков банды является её вооруженность. Вооруженность предполагает наличие у участников

банды огнестрельного или холодного оружия, включая метательное, независимо от его происхождения (заводское или самодельное), а также различных взрывных устройств, а также газового и пневматического оружия.

Состав преступления, квалифицируемого как бандитизм, характеризуется формальным составом, что означает, что его окончание наступает с момента формирования устойчивой вооружённой группы, объединившейся с целью совершения нападений на граждан или организации. Важно отметить, что наступление каких-либо последствий от деятельности данной группы не является обязательным условием для привлечения к ответственности за данное преступление [7].

Субъектом данного преступления может выступать любое вменяемое физическое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет, а также должностные лица или представители власти, входящие в состав банды и использующие своё служебное положение для обеспечения безопасности её участников или для проведения преступных действий. В случае, если участники банды не достигли возраста шестнадцати лет, но достигли четырнадцати, они подлежат ответственности за конкретные преступления, совершенные ими в составе банды, в соответствии с законодательством, например, по статье 105 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Субъективная сторона преступления включает в себя прямой умысел, что подразумевает осознание лицом факта создания вооружённой банды с целью совершения нападений и желание участвовать в её организации или деятельности. В случае, если лицо не осознавало, что его действия входят в состав преступной группы, ответственность наступает за конкретное совершённое им преступление, например, за разбой.

Объект преступления представляет собой совокупность общественных отношений, обеспечивающих общественную и государственную безопасность. Объективная сторона исследуемого состава преступления характеризуется

наличием нескольких дискретных действий, каждое из которых является достаточным для признания преступления окончанным. К таковым относятся:

- формирование устойчивой вооружённой группы,
- осуществление руководства такой группой,
- участие в составе банды,
- активное участие в преступлениях, совершаемых бандой.

В уголовно-правовой доктрине существует дискуссия относительно разграничения понятий разбоя и бандитизма, особенно в контексте деятельности организованных групп, вооруженных оружием. С. Кочои и другие исследователи утверждают, что в таких случаях грань между этими преступлениями стирается, что делает их квалификацию по совокупности преступлений (разбой и бандитизм) неизбежной [6, с. 231]. Это мнение поддерживается и судебной практикой, которая исходит из того, что вооруженная устойчивая группа, осуществляющая нападения с целью хищения чужого имущества с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой его применения, должна быть квалифицирована по совокупности указанных преступлений.

Однако Р. Галиакбаров предлагает иной подход, основанный на существенных различиях между разбоем и бандитизмом. По его мнению, эти преступления различаются по объекту преступного посягательства, характеру использования оружия, наличию корыстной цели и другим признакам [1, с. 56-57]. В частности, при разбое оружие используется по назначению и в ходе нападения, тогда как при бандитизме оно может быть использовано не только для нападения на граждан или организации, но и для поддержания авторитета банды. Банда, по мнению Галиакбарова, представляет собой разновидность преступного сообщества, что также является важным критерием для разграничения этих преступлений.

Разбой выделяется среди других преступлений своей уникальной структурой и особенностями. Это деяние характеризуется наличием двух объектов посягательства и усеченным составом преступления. Однако ошибочно

считать, что основной объект разбоя — это только собственность, а дополнительный — здоровье человека. В правовом государстве человек является высшей ценностью, что закреплено в статье 2 Конституции Российской Федерации. Именно поэтому законодатель определяет состав разбоя иначе, чем других хищений, подчеркивая его особую общественную опасность.

Разбой является одним из самых распространенных преступлений, демонстрируя тенденцию к росту числа случаев, особенно среди подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Объективная сторона разбоя определяется тремя ключевыми признаками: нападение, применение насилия или угроза его применения, создающая реальную опасность для жизни и здоровья потерпевшего. Насилие в рамках этого преступления может быть как физическим, так и психологическим, оказывая комплексное воздействие на жертву.

Необходимо подчеркнуть, что разбой — это преступление с усеченным составом, то есть момент его окончания наступает на более ранней стадии. В процессе совершения разбоя могут использоваться различные орудия, под которыми понимаются любые предметы, применяемые для достижения преступных целей [8]. Разбой не может быть совершен по неосторожности или легкомыслию; все участники этого преступления действуют с прямым умыслом, направленным на завладение чужим имуществом путем нападения. УК РФ в статьях, регламентирующих ответственность за разбой и бандитизм, указывает на обязательный признак данных преступлений — нападение, сопровождающееся применением насилия или угрозой его применения.

Данный вопрос является предметом дискуссий как среди теоретиков уголовного права, так и среди практикующих юристов, включая судей. Основные разногласия касаются интерпретации термина «нападение». Ряд правоведов рассматривает его как самостоятельный элемент объективной стороны разбоя. Другие исследователи утверждают, что нападение представляет собой двухэтапный процесс, включающий создание угрозы применения насилия

и последующее применение насилия. Третья группа ученых выделяет нападение как первый этап разбоя, а применение насилия — как второй. Пункт 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 года № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» определяет нападение как действия, направленные на достижение преступного результата посредством применения насилия над потерпевшим или создания реальной угрозы его немедленного применения [6].

Разбой характеризуется следующими признаками:

1. Применение насилия или угроза его применения.
2. Намерение завладеть чужим имуществом.
3. Изъятие имущества без компенсации, что причиняет ущерб его владельцу.
4. Наличие отягчающих обстоятельств, таких как использование оружия или причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего.

Субъекты преступлений различаются в зависимости от их характера. Разбой, как правило, совершается лицами, достигшими четырнадцатилетнего возраста, что обуславливает более низкий возраст уголовной ответственности за данное деяние по сравнению с бандитизмом. Следует подчеркнуть, что при анализе разбоя речь идет исключительно о общем субъекте преступления. В отличие от этого, согласно части 3 статьи 209 УК РФ, бандитизм может быть совершен лицами, использующими свое служебное положение.

В ходе исследования уголовного законодательства Российской Федерации были обнаружены принципиальные различия между разбоем и бандитизмом, которые проявляются в следующих аспектах:

1. Использование оружия: При разбое орудием преступления может быть любой предмет, пригодный для совершения деяния. В случае бандитизма под оружием подразумевается специализированное устройство или предмет, предназначенный для поражения цели, например, огнестрельное оружие.
2. Цели преступления: Разбой направлен на незаконное присвоение чужого

имущества, в то время как бандитизм характеризуется организованными нападениями.

3. Возраст уголовной ответственности: За разбой ответственность наступает с 14 лет, тогда как за бандитизм — с 16 лет. Кроме того, статья 209 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает ответственность для должностных лиц, что указывает на возможность существования специального субъекта преступления при бандитизме.

Библиографический список использованных источников

1. Галиакбаров Р. Разграничение разбоя и бандитизма // Российская юстиция. 2001 № 7
2. Ермакова Т.Н. Сплоченность как признак, разграничивающий организованную группу и преступное сообщество (преступную организацию) // [Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики. Сборник научных трудов \(по материалам 5 международной научно-практической конференции, состоявшейся 17 ноября 2006 г.\): в 2-х частях. Ч. 2](#) : Филиал НОУ ВПО "СПБивЭСЭП", 2006, с.192-196
3. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М.: Профобразование, 2000.
4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - сентябрь 2025 года // [Электронный ресурс] : Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>. (дата обращения 16.02.2026).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» //КонсультантПлюс.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 16.05.2017) О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое //

[Электронный ресурс] : Официальный интернет-портал правовой информации.
URL: <http://pravo.gov.ru>. (дата обращения 16.02.2026).

7. Преступления против общественной безопасности : учебное пособие в таблицах / Д. А. Безбородов, А. В. Зарубин, Р. М. Кравченко [и др.] ; под ред. А. Н. Попова. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020 — 108 с.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. 08.01.2019) // [Электронный ресурс] : Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>. (дата обращения 05.02.2026).

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Богачева Милана Юрьевна,

студентка 3 курса

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

milashkaboga@mail.ru

Яковлева София Александровна,

студентка 3 курса

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

sofiyayakovleva1005@ya.ru

Научный руководитель:

Федюнин Антон Евгеньевич,

д.ю.н., профессор кафедры уголовного процесса

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

aef@bk.ru

Аннотация: Статья посвящена актуальным проблемам доказывания по уголовным делам несовершеннолетних в условиях роста подростковой преступности и цифровизации преступной деятельности. Рассматриваются расширенные требования к предмету доказывания (ст. 421 УПК РФ), в том числе установление возраста, условий жизни, уровня психического развития и влияния

старших лиц на возникновение преступного поведения. Выделяются ключевые проблемы, связанные с отсутствием единых стандартов психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних и сложностью выявления манипуляций со стороны взрослых организаторов в цифровой среде.

Ключевые слова: доказывание, несовершеннолетние, предмет доказывания, психолого-психиатрическая экспертиза, уголовный процесс, цифровизация преступности.

FEATURES OF THE SUBJECT OF EVIDENCE IN CASES OF MINORS

Bogacheva Milana Yurievna,

3rd year student

FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,

the city of Saratov, Russia,

milashkaboga@mail.ru

Yakovleva Sofia Aleksandrovna,

3rd year student

FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,

the city of Saratov, Russia,

sofiyayakovleva1005@yandex.ru

Scientific advisor:

Fedyunin Anton Evgenievich,

Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Procedure

FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,

the city of Saratov, Russia,

aef@bk.ru

Annotation: The article is devoted to the current problems of proof in criminal cases involving minors in the context of the growing juvenile delinquency and the digitalization of criminal activities. It examines the expanded requirements for the subject of proof (Article 421 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation), including the establishment of age, living conditions, level of mental development, and the influence of older individuals on the emergence of criminal behavior. The article highlights the key issues related to the lack of unified standards for psychological and psychiatric examinations of minors and the difficulty of identifying manipulations by adult organizers in the digital environment.

Keywords: proof, minors, subject of proof, psychological and psychiatric examination, criminal proceedings, digitalization of crime.

Актуальность исследования особенностей предмета доказывания по делам несовершеннолетних обусловлена динамикой подростковой преступности и эволюцией подходов к уголовному преследованию несовершеннолетних. Согласно данным Генеральной прокуратуры и Следственного комитета России, в 2025 году за первые девять месяцев было зарегистрировано более 14 тысяч преступлений, совершённых подростками, а в суды передано 5,5 тысяч уголовных дел в отношении несовершеннолетних, что на 8% превышает показатели 2024 года [2].

Предмет доказывания по делам несовершеннолетних, в соответствии со ст. 421 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, существенно расширен по сравнению с общими положениями ст. 73 УПК РФ [6]. Помимо установления обстоятельств, характеризующих событие преступления, виновность лица и размер причинённого вреда, законодатель предусматривает необходимость доказывания дополнительных юридически значимых фактов. К ним относятся, в частности, точный возраст несовершеннолетнего, условия его жизни и воспитания, уровень психического развития и иные особенности личности, а также влияние старших по возрасту лиц.

В современных исследованиях отмечается высокая роль взрослых в вовлечении несовершеннолетнего в преступную деятельность (ст. 150 УК РФ) [7]. А.А. Чебурёнков подчёркивает, что подростки могут поддаваться влиянию старших вследствие стремления к самоутверждению, поиска защиты или желания принадлежать к группе. Подобное влияние может быть как прямым (угрозы, принуждение), так и косвенным (через формирование преступных установок) [8, с. 108].

Особое место отводится установлению обстоятельств, свидетельствующих об отставании в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, поскольку это напрямую влияет на способность несовершеннолетнего в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий.

Т.Г. Погодина указывает, что в целях установления факта отставания в психическом развитии и оценки его влияния на поведение несовершеннолетнего в криминальной ситуации обязательна комплексная психолого-психиатрическая эксперта, которая включает всестороннее обследование подростка, изучение материалов уголовного дела и медицинской документации, психодиагностическое исследование, а также наблюдение за поведенческими паттернами [5, с. 226].

Соблюдение вышеназванных особенностей позволяет принимать правильное решение о возможности и целесообразности привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности либо освобождения от неё, назначения ему уголовного наказания или применения принудительных мер воспитательного воздействия.

Несмотря на широкий спектр мер, принятых законодателем для осуществления наиболее справедливого и гуманного правосудия в отношении несовершеннолетних, существуют проблемы в области доказывания по рассматриваемой категории дел. Первая проблема связана с отсутствием единых подходов к проведению психолого-психиатрических экспертиз и

вариативностью показателей психического развития, которая может влиять на результаты экспертизы. Как отмечают Н.В. Дьякова и Н.Д. Никитина, «оценочный характер критериев уровня психического развития приводит к существенным различиям выводов экспертов по итогам исследования одного и того же несовершеннолетнего» [3, с. 23].

Решение данной проблемы видится возможным через систематизацию и унификацию методик проведения психолого-психиатрических экспертиз несовершеннолетних с участием судебных экспертов-психологов, педагогов и адвокатов в целях углубления знаний в области экспертных методик и более эффективного использования заключений в целях доказывания. Разработка единых стандартов оценки психического развития подростков, учитывающих современные научные представления о возрастной психологии и нейрофизиологии, как ожидается, позволит повысить объективность экспертности заключений и обеспечить их сопоставимость в судебной практике.

Вторая проблема касается цифровизации подростковой преступности и связанных с этим трудностей доказывания и распределения ответственности между несовершеннолетними исполнителями и взрослыми организаторами. Д.И. Михайлова по данному вопросу отмечает, что подросткам зачастую поручают технически несложные, но наиболее рискованные операции (регистрацию аккаунтов, первичный контакт с потерпевшими, обналичивание средств), тогда как разработка схем и распределение доходов сосредоточены в руках взрослых [4, с. 617]. В связи с этим, следствию необходимо уделять первоочерёдное внимание установлению связей несовершеннолетнего с более взрослыми участниками, анализу цифровых коммуникации и идентификации организаторов, а также доказыванию наличия или отсутствия факта запугивания и психологического давления со стороны взрослых на подростков, совершивших преступления в цифровой среде.

Решение вышеназванной проблемы должно быть комплексным, и подразумевать обязательное привлечение психологов для оценки состояния

несовершеннолетнего, анализа его показаний и определения, находился ли он под влиянием в момент совершения преступления. Эксперты могут выявить признаки манипуляции, шантажа или угрозы.

Кроме того, особую роль в доказывании по «цифровым» преступлениям играет анализ контента. Важно тщательно изучать все возможные средства коммуникации, где могли содержаться сообщения с признаками угроз, обещания вознаграждения, а также компрометирующей информацией, используемой для давления на подростка. Следует согласиться с позицией У.Н. Ахмедова, указывающего, что криминалистический анализ паттернов поведения, стилистики сообщений, используемых терминов может указать на опытного, старшего преступника. Например, демонстрация заботы о несовершеннолетнем с целью завоевания доверия также является косвенным признаком вовлечения и способом оказания психологического давления на личность, в силу возраста, подверженную внушению [1, с. 170].

Таким образом, законодательное расширение предмета доказывания (ст. 421 УПК РФ) требует установления не только обстоятельств преступления, но также и возрастных, психологических, социальных характеристик несовершеннолетнего, и влияния старших лиц. На практике возникают проблемы, связанные с отсутствием единых стандартов психолого-психиатрической экспертизы, что ведёт к субъективным оценкам, а также сложностями доказывания в условиях цифровизации преступности, когда взрослые организаторы нередко манипулируют внушаемыми подростками, перекладывая на них риски. Решение данных проблем видится в унификации экспертных методов и разработке научно обоснованных критериев оценки психического развития, а также в комплексном использовании психологических экспертиз и криминалистического анализа цифровых следов для выявления признаков манипуляции и распределения ответственности. Соблюдение указанных особенностей доказывания с учётом требований современности, как видится, позволит обеспечить более справедливое и индивидуализированное

правосудие в отношении несовершеннолетних с соблюдением принципа гуманности.

Библиографический список использованных источников

1. Ахмедов У.Н. Способы вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий как предмет доказывания по уголовным делам // Вестник ВИ МВД России. 2024. №4. С. 164-171.
2. В России за 2025 год более 14 тысяч подростков совершили преступления // Следственный комитет Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/2029219/> (дата обращения: 17.02.2026).
3. Дьякова Н. В., Никитина Е. Д. Психолого-криминалистические особенности личности несовершеннолетних обвиняемых и их роль в расследовании преступлений // Российский судья. 2024. №6. С. 21-26.
4. Михайлова Д. И. Особенности расследования киберпреступлений, совершаемых несовершеннолетними // Вестник науки. 2025. №12 (93). С. 615-620.
5. Погодина Т.Г. Особенности производства судебно-психиатрических экспертиз у несовершеннолетних с отставанием в психическом развитии // Вестник экономики и права. 2024. №95. С. 225-230.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – №52 (ч. I); 2025. – № (ч. I). – С. 8322.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – Ст. 2954; Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru), 29 декабря 2025 года. № 0001202512290022.

8. Чебурёнков, А.А. Криминалистические проблемы установления негативного влияния взрослых на несовершеннолетних с целью вовлечения их в совершение преступлений // Правовое государство: теория и практика. 2024. №2 (76). С. 103-114.

УДК 343.1

**ОРГАНИЗАЦИЯ УДАЛЁННЫХ СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАНИЙ ЧЕРЕЗ
СИСТЕМУ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ И РИСКИ**

Чайковская Арина Артёмовна,

студентка 3 курса

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

arishka281108@mail.ru

Грищенко Максим Антонович,

студент 3 курса

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

gmaxai@bk.ru

Научный руководитель:

Федюнин Антон Евгеньевич,

д.ю.н., профессор кафедры уголовного процесса

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

aef@bk.ru

Аннотация: В статье рассматривается применение видеоконференцсвязи (ВКС) в уголовном судопроизводстве Российской Федерации как инструмент цифровизации правосудия. Особое внимание уделено преимуществам ВКС — повышению доступности правосудия для участников из отдалённых регионов, сокращению сроков рассмотрения дел за счёт минимизации организационных

задержек, снижению финансовых и временных издержек сторон процесса. При этом подробно раскрываются существующие проблемы и риски, сопровождающие использование ВКС.

Ключевые слова: видеоконференцсвязь (ВКС), защищённые каналы связи, идентификация личности, конфиденциальность, процессуальные гарантии, уголовное судопроизводство, цифровизация.

**ORGANIZATION OF REMOTE COURT SEATS THROUGH A VIDEO
CONFERENCE SYSTEM IN CRIMINAL PROCEEDINGS:
PROCEDURAL GUARANTEES AND RISKS**

Chaykovskaya Arina Artyomovna,

3rd year student

FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,

the city of Saratov, Russia,

arishka281108@mail.ru

Grishchenko Maxim Antonovich,

3rd year student

FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,

the city of Saratov, Russia,

gmaxai@bk.ru

Scientific advisor:

Fedyunin Anton Evgenievich,

Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Procedure

FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,

the city of Saratov, Russia,

aef@bk.ru

Abstract: The article discusses the use of video conferencing in criminal proceedings in the Russian Federation as a tool for the digitalization of justice. Special attention is paid to the advantages of the VKS — increasing the accessibility of justice for participants from remote regions, reducing the time required to consider cases by minimizing organizational delays, and reducing the financial and time costs of the parties to the process. At the same time, the existing problems and risks accompanying the use of the VCS are disclosed in detail.

Keywords: video conferencing (VCS), secure communication channels, identity identification, confidentiality, procedural guarantees, criminal proceedings, digitalization.

В современном мире цифровизация проникает во все сферы жизни и правосудие не стало исключением. Одним из ярких проявлений данной тенденции является внедрение видеоконференцсвязи (ВКС) для проведения судебных заседаний в удалённом формате. В 2000 году Верховным Судом Российской Федерации впервые были рассмотрены уголовные дела в формате удаленного участия осужденных и лиц, содержащихся под стражей, с использованием видеоконференцсвязи. Однако несмотря на «новизну» ВКС в уголовном процессе, этот инструмент позволяет существенно повысить доступность правосудия, сократить сроки рассмотрения дел и снизить расходы участников процесса. Тем не менее вместе с преимуществами возникают и новые сложности, связанные с соблюдением процессуальных гарантий и минимизацией рисков.

При использовании видеоконференцсвязи в судебном заседании процессуальные гарантии участников требуют особого внимания. Прежде всего, необходимо обеспечить надёжную идентификацию личности участников. На практике это реализуется через проверку документов по камере, использование Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА) и запрос дополнительных подтверждающих данных при необходимости. Однако имеют

место быть проблемы с подтверждением личности, например, имеется риск подмены участника или отсутствие надёжных механизмов биометрической верификации, что ставит под сомнение достоверность процесса [1, с. 15].

При рассмотрении уголовного дела №10-9/2018 Верещагинским районным судом Пермского края в апелляционном порядке возникла проблема с визуальным контактом при использовании ВКС. На экране не было видно подсудимого, поскольку видеочасть не была направлена на часть зала судебного заседания, где тот находился за защитным ограждением, в результате чего судебное заседание проходило без визуального контакта председательствующего, защитников и государственного обвинителя с подсудимым. Защитники возражали против продолжения судебного заседания, т.к. считали, что это нарушает принцип «видеоконференцсвязи», где визуальное восприятие участников обязательно. Однако судья не нашёл в этом нарушений законодательства и продолжил рассмотрение дела, что ставит под сомнение его компетентность [6, с. 3].

Не менее важным является обеспечение права на защиту и конфиденциальность, в том числе возможность приватного общения с защитником через защищённые каналы связи, а также запрет на несанкционированную запись заседания третьими лицами [4, с. 60]. Например, Верховный Суд РФ в своем Определении от 7.07.2020 г. №35-УД20-7 указал дело, в котором осуждённый подал жалобу за нарушение права на защиту конфиденциальности в общении с адвокатом по ВКС. Осуждённый утверждал, что назначенный ему защитник ни разу не встречался с ним лично, а общение через видеоконференцсвязь не обеспечивало должной приватности, поскольку не гарантировало защиту от прослушивания разговора третьими лицами. ВС РФ согласился с доводами осуждённого и указал, что участие в процессе через ВКС не противоречит принципам справедливости, но необходимо обеспечивать эффективное и конфиденциальное общение с защитником [7].

Говоря об информационном обеспечении участников процесса, доступ к материалам дела должен быть обеспечен в полном объёме независимо от формы участия в судебном заседании. Так, участникам предоставляют электронные копии документов до начала заседания, а в ходе процесса предоставляется возможность демонстрации необходимых доказательств через экран [8]. Кроме того, участники имеют право на обжалование решений, если технические сбои или иные нарушения процедуры судебного разбирательства с использованием ВКС препятствовали полноценному участию в процессе, однако проблематика этого заключается в субъективности принятия решения судьей. В 2020 г. Липецким областным судом была рассмотрена апелляционная жалоба, где обвиняемая указала, что судебные заседания проводятся неэффективно в связи с проблемами видеоконференцсвязи, в связи с чем нарушаются её процессуальные права. Однако суд апелляционной инстанции не нашёл в этом оснований для отмены решения, так как в протоколе судебного заседания фиксировалось, что при проблемах со слышимостью суд принимал различные меры по решению данной проблемы (объявлял технические перерывы, предлагал участникам говорить громче и повторять сказанное) [2].

Несмотря на нормативное закрепление использования ВКС в ст. 241.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ [9], в правовом регулировании этой процедуры остаются пробелы и риски. В частности, отсутствуют единые технические стандарты подключения, чёткие критерии и требования к качеству видео- и аудиопотоку, а также детальный регламент действий при возникновении каких-либо технических сбоев. Это создаёт неопределённость процесса и может приводить к нарушению прав участников уголовного судопроизводства. Так, технические сбои (потеря связи, задержки аудио- и видеопотока, неисправности оборудования и т.д.) могут срывать судебные заседания или искажать восприятие информации, а нарушение принципа непосредственности из-за сложности оценки невербальных сигналов (мимики, жестов) и ограниченных возможностей осмотра вещественных доказательств

снижает качество судебного разбирательства. Особую обеспокоенность участников процесса вызывает информационная безопасность, поскольку утечка персональных данных, несанкционированный доступ к закрытым судебным заседаниям или кибератаки (перехват данных) могут нанести серьёзный ущерб лицам, участвующим в деле.

Для минимизации вышеуказанных рисков необходим комплексный подход как в нормативном аспекте, так и технологическом. В законодательном плане важно разработать единые технические стандарты видеоконференцсвязи для судов, а также закрепить обязательные требования к качеству связи (разрешение экрана, допустимая задержка, шифрование и т.п.) и уточнить процедуры при возникновении технических сбоев, например, правила приостановления или переноса судебного заседания. Технологические решения могут включать внедрение биометрической идентификации (распознавание лиц, голосовая верификация), использование защищённых каналов связи (например, VPN, ГОСТ-шифрование) и резервирование каналов передачи данных для повышения надёжности [5, с. 29].

Организационные меры также играют важную роль в обеспечении использования видеоконференцсвязи. Обучение судей и сотрудников судов работе с ВКС, создание службы технической поддержки для срочного устранения неполадок и регулярное тестирование оборудования помогут снизить вероятность технических сбоев. Процессуальные гарантии участников процесса следует усилить за счёт обязательного уведомления о возможности личного присутствия, права на отказ от ВКС при обоснованных сомнениях в безопасности и более строгого контроля за ведением протоколов с учётом специфики удалённого формата.

Международный опыт показывает, что успешные модели удалённого судопроизводства строятся на стандартизации и интеграции технологий. Например, в США платформы типа CourtCall используют двухфакторную аутентификацию, а в Сингапуре система Electronic Filing System интегрирует

ВКС с электронными досье дел. Общие тенденции включают переход к гибридным форматам с сочетанием очного и удалённого участия, внедрение искусственного интеллекта для анализа видеопотока и создание единых цифровых платформ для всех судов страны [3, с. 12].

В России развитие видеоконференцсвязи в судебной системе идёт постепенно, но уверенно. Пандемия COVID-19 ускорила внедрение дистанционных технологий, показав их востребованность и эффективность. Однако для устойчивого прогресса всё же необходимо преодолеть существующие барьеры и обеспечить баланс между технологическими возможностями и процессуальными гарантиями.

Подводя итог вышесказанному, видеоконференцсвязь (ВКС) — это эффективный инструмент оптимизации уголовного судопроизводства, который делает правосудие более доступным и оперативным. Однако его успешное применение требует системного подхода, который включает в себя как совершенствование нормативной базы, так и инвестиции в инфраструктуру и повышение цифровой грамотности участников процесса. Эффективная реализации потенциала удалённого судопроизводства обеспечит и укрепит принцип справедливости, законности и защиты прав граждан в уголовном судопроизводстве.

Библиографический список использованных источников

1. Аликперов Х.Д. Электронная система определения оптимальной меры наказания (постановка проблемы) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 4 (51). С. 13—22.
2. Апелляционное постановление Липецкого областного суда № 22К-862/2020 от 13 июля 2020 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/w0IcRTb0dhJn/> (дата обращения: 24.02.2026).

3. Буглаева Е.А. Перспективы применения технологий искусственного интеллекта в сфере судопроизводства // Вестник ЮУрГУ. Сер. Право. 2024. № 1 (24). С. 10-15.
4. Волосова Н. Ю. Цифровизация правосудия: перспективы и опасности // Социально-политические науки. 2022. № 3 (12). С. 58-63.
5. Ермаков А. В. Цифровизация правосудия и искусственный интеллект // Закон и право. 2024. № 4. С. 26-30.
6. Курочкина Юлия Сергеевна Проблемы проведения судебных действий следственного характера с использованием видеоконференцсвязи // Вестник КГУ. 2018. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-provedeniya-sudebnyh-deystviy-sledstvennogo-haraktera-s-ispolzovaniem-videokonferentssvyazi> (дата обращения: 24.02.2026).
7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2020 № 35-УД20-7. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=634285#fiIRACVKnCsJu8Xl> (дата обращения: 24.02.2026).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов».
9. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026).

УДК 343.14

**ПРОБЛЕМЫ ДОПУСКА И ОЦЕНКИ ЦИФРОВЫХ (ЭЛЕКТРОННЫХ)
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Грищенко Максим Антонович,

студент 3 курса

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

gmaxai@bk.ru

Чайковская Арина Артёмовна,

студентка 3 курса

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

arishka281108@mail.ru

Научный руководитель:

Федюнин Антон Евгеньевич,

д.ю.н., профессор кафедры уголовного процесса

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

aef@bk.ru

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу проблем, связанных с использованием цифровых (электронных) доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. В статье исследуются актуальные проблемы допуска и оценки цифровых (электронных) доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, анализируется нормативно-правовая база.

Ключевые слова: допустимость доказательств; достоверность доказательств; изъятие электронных носителей, компьютерно-техническая экспертиза; метаданные; цифровой носитель, электронные доказательства.

PROBLEMS OF ADMISSION AND EVALUATION OF DIGITAL (ELECTRONIC) EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Grishchenko Maxim Antonovich,

3rd year student

FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,

the city of Saratov, Russia,

gmaxai@bk.ru

Chaykovskaya Arina Artyomovna,

3rd year student

FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,

the city of Saratov, Russia,

arishka281108@mail.ru

Scientific advisor:

Fedyunin Anton Evgenievich,

Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Procedure

FGBOU VO «Saratov State Law Academy»,

the city of Saratov, Russia,

aef@bk.ru

Abstract: The article is devoted to a comprehensive analysis of the problems associated with the use of digital (electronic) evidence in the criminal proceedings of the Russian Federation. The article examines the current problems of admission and evaluation of digital (electronic) evidence in the criminal proceedings of the Russian Federation, and analyzes the legal framework.

Keywords: admissibility of evidence; reliability of evidence; seizure of electronic notes, computer-technical examination; metadata; electronic evidence.

В эпоху цифровой трансформации общества электронные доказательства всё чаще становятся ключевым элементом уголовного судопроизводства. Переписка в мессенджерах, метаданные файлов, видеозаписи с камер наблюдения и другая цифровая активность нередко играет решающую роль в установлении обстоятельств преступления. Однако правовая база и практика работы с такими данными пока не достигли необходимой степени зрелости, что порождает многочисленные проблемы на этапах их сбора, фиксации и оценки [1, с. 301].

Действующее законодательство, прежде всего Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [10], а также нормы, введённые Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ [9], — лишь фрагментарно регулирует обращение с электронными доказательствами в уголовном процессе. Так, в первую очередь сложность в применении такого вида доказательств заключается в отсутствии в УПК РФ прямого определения понятия «электронное доказательство». Это порождает двоякие трактовки: с одной стороны, такие данные нередко относят к «иным документам» или вещественным доказательствам, с другой — звучат призывы выделить их в самостоятельный вид доказательств, учитывая специфику (динамичность, уязвимость к изменениям, наличие метаданных и т.д.).

Так, в деле, рассмотренном 16 июля 2015 года Северским районным судом Краснодарского края были упомянуты электронные доказательства. В приговоре по уголовному делу №1-175/15 были указаны сведения о выемке в офисном помещении организации, в результате которой были изъяты три съёмных цифровых носителя информации (CD-диски), содержащие электронную переписку обвиняемого с третьими лицами, а также с двумя свидетелями по

данному делу. В ходе дела изъятые диски были изучены и постановлением следователя признаны в качестве вещественных доказательств [5, с. 82].

На этапе допуска электронных доказательств суды и следователи сталкиваются с рядом проблем. Прежде всего, сложность возникает в достоверности и неизменности данных: отсутствие унифицированных процедур фиксации (например, обязательного хеширования массива данных) и хранения, а также риск несанкционированного доступа или модификации при изъятии и транспортировке носителей [6]. Кроме того, имеются трудности подтверждения подлинности источников, в частности, переписки в различных мессенджерах. Не менее остро стоит проблема процессуальных нарушений при сборе таких доказательств. Зачастую изъятие цифровых данных проводится без участия понятых, а также ведется неполное протоколирование действий (например, без указания характеристик устройства и методов копирования). Помимо этого, возможен риск несоблюдения требований ст. 164.1 УПК РФ при изъятии электронных носителей [8].

Особую сложность представляет доступ к данным, находящимся за пределами юрисдикции: запросы к иностранным провайдерам нередко затягиваются, а национальное законодательство стран о защите персональных данных может не предусматривать предоставление какой-либо информации [2, с. 65]. Кроме того, анализ цифровых следов требует специализированных экспертиз, таких как восстановление удалённых файлов, анализ метаданных и т.п. Однако в связи с увеличением числа электронных доказательств количество аккредитованных лабораторий и квалифицированных экспертов становится недостаточным для обработки и анализа получаемой информации.

При оценке доказательств суды руководствуются требованиями ст. 88 УПК РФ - доказательство должно быть относимым, допустимым и достоверным. Для цифровых данных это сопряжено с рядом трудностей [8]. Во-первых, отсутствуют сертифицированные методы проверки некоторых видов данных (например, метаданных файлов). Во-вторых, интерпретация цифровых следов

часто является неоднозначной. Так, IP-адрес не всегда позволяет точно идентифицировать лицо или географическое местоположение, имеющее значение для расследования преступления. В-третьих, результаты анализа непосредственно зависят от уровня развития технических средств и программного обеспечения, которое может содержать какие-либо уязвимости.

Судебная практика демонстрирует заметную неоднородность подходов в оценке электронных доказательств. Например, в ряде случаев суды признают переписку в мессенджерах допустимым доказательством даже без нотариального заверения, однако в некоторых случаях требуют дополнительных подтверждений (например, заключения экспертизы устройства). Это свидетельствует об отсутствии единых критериев и методических рекомендаций, которые могли бы обеспечить стабильность правоприменения [7, с. 21].

Одним из примеров является дело, рассмотренное Верховным Судом Республики Крым в 2024 году, в котором житель Крыма был признан виновным по ст. 275.1 УК РФ. Суд установил, что в период с октября 2022 года по апрель 2023 года подсудимый посредством переписки в мессенджерах вступил в сговор с представителями службы безопасности Украины. Он сообщил о наличии у него навыков управления беспилотными летательными аппаратами и обращения с оружием. В ходе беседы он предлагал свое непосредственное участие в противодействии проведению Российской Федерацией специальной военной операции. Ключевым доказательством в этом деле стала переписка в мессенджере, которая позволила установить факт сговора, а также характер предложений подсудимого и его намерения участвовать в деятельности, противоречащей интересам РФ. Изучив предоставленные следователями электронные доказательства, суд с учётом позиции государственного обвинителя приговорил мужчину к 5 годам лишения свободы [4].

В 2023 году в Санкт-Петербурге в отношении мужчины, который через мессенджер Telegram рассылал несовершеннолетним непристойные

изображения и видео было возбуждено уголовное дело по ст. 242 УК РФ. В ходе оперативно-розыскных мероприятий были изъяты его смартфон и ноутбук, на которых хранилась переписка с жертвами. Для подтверждения факта распространения контента и установления авторства сообщений была назначена компьютерно-техническая экспертиза. Специалисты проанализировали метаданные, т.е. IP-адреса, временные метки, цифровые подписи, чтобы подтвердить факт отправки сообщения именно с устройства подозреваемого. Помимо этого, проводилась лингвистическая экспертиза переписки, которая выявила систематическое вовлечение несовершеннолетних в противоправные действия. В результате рассмотрения дела и изучения предоставленных доказательств суд признал мужчину виновным и приговорил его к 3 годам лишения свободы.

Для преодоления вышеперечисленных проблем целесообразно предпринять ряд мер. Прежде всего, стоит ввести в Уголовно-процессуальное законодательство термин «электронное доказательство» с чётким определением, охватывающим не только файлы и сообщения, но и метаданные, сетевые записи и иные цифровые следы [11, с. 84].

С учетом увеличения количества случаев использования цифровой информации в качестве доказательств, существует необходимость в создании сети специализированных экспертно-криминалистических лабораторий. В их компетенцию, по мнению ряда ученых [3, с. 46], должны войти такие направления исследований как проведение компьютерных экспертиз и разработка методик оценки и анализа электронных доказательств. Такой шаг позволит не только улучшить качество экспертно-криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства, но и адаптировать правоохранительные органы России к быстро меняющимся технологиям и методам преступной деятельности. Не менее значимой задачей также является разработка стандартов и протоколов для работы с цифровыми доказательствами, что обеспечит их достоверность и допустимость в ходе рассмотрения уголовных

дел в суде. Предлагаемые меры в сочетании с повышением уровня квалификации сотрудников правоохранительных органов и, в первую очередь – следователей, рассматривается нами как залог эффективного использования цифровых доказательств в уголовном процессе, что, в свою очередь, будет очередным шагом к повышению качества расследования, законности и справедливости уголовного судопроизводства в целом.

В заключение, следует также отметить, что использование электронных доказательств в условиях цифровизации уголовного процесса имеет как несомненные положительные, так и некоторые отрицательные стороны. Например, существуют определенные риски, связанные с достоверностью и допустимостью таких доказательств. Цифровая информация может быть признана недопустимой как из-за нарушения порядка ее собирания, так и содержания (достоверности), поскольку как это уже отмечалось ранее, еще не существует единого подхода к ее использованию в рамках уголовного судопроизводства. Решение данных проблем требует комплексного подхода, объединяющего законодательные изменения, технологическое развитие и организационные меры. Лишь таким образом будет обеспечена эффективность уголовного судопроизводства в условиях развития цифровизации общества.

Библиографический список использованных источников

1. Арефьянов О. О. Проблемы использования электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Молодой учёный. 2024. № 48(547). С. 301–303.
2. Баранов А. М. Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI в. // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 64-68.
3. Бачило А. Н. Достоверность электронных доказательств: проблемы верификации // Вестник цифрового права. 2019. № 3(12). С. 45–52.
4. В Крыму вынесен приговор о сотрудничестве на конфиденциальной основе с иностранным государством // Генеральная Прокуратура Российской Федерации.

- URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e633372/> (дата обращения: 06.02.2026).

5. Воронин М. И. Электронные доказательства в уголовном процессе: быть или не быть? // Lex Russica. 2019. № 7. С. 81-84.

6. Новиков А.А. Использование переписки в мессенджерах как доказательства по уголовному делу // Адвокатская газета. — URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/ispolzovanie-perepiski-v-messendzherakh-kak-dokazatelstva-po-ugolovnomu-delu/> (дата обращения: 06.02.2026).

7. Пастухов П. С. Цифровая криминалистика: монография. — М.: Юстицинформ, 2021.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ.

9. Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти».

10. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

11. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. — М.: Норма, 2018.

Сфера науки. 2026. Том 1. №2.

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ
«СФЕРА НАУКИ»

sfera—nauki.ru

Том 1. №2
Февраль 2026 г.

В авторской редакции

Научный электронный журнал «Сфера науки»,
350000, г. Краснодар, ул. Володи Головатого, 313,
e-mail – sfera_nauki@mail.ru

Краснодар, 2026